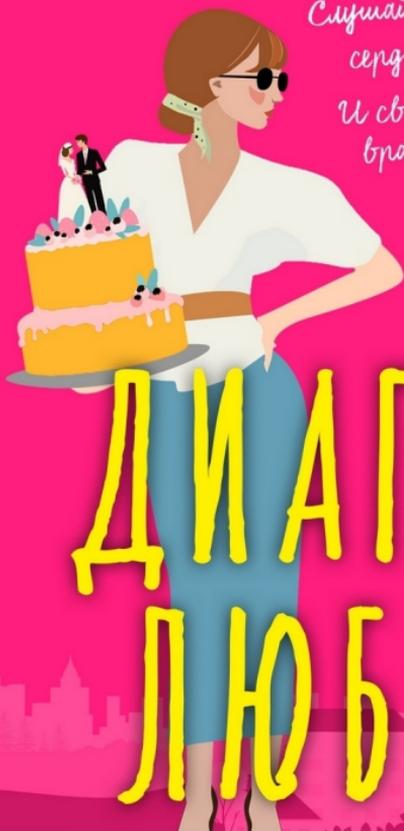

INSPIRIA

Дарья Сойфер

*Сымай свое
сердце.
И своего
врача.*

ДИАГНОЗ: ЛЮБОВЬ

INSPIRIA

Дарья Владиславовна Со́йфер
Диагноз: любовь
Серия «Романтические комедии»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36628605

Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-098717-7

Аннотация

У деловых женщин свои сказки. Вместо принца – красавчик босс, вместо королевского бала – бизнес-план. Вот только в жизни не все идет по плану, и иногда препятствием становится не злая мачеха, а собственное здоровье. Из объятий возлюбленного Ника прямиком попадает под нож хирурга. Но можно ли довериться доктору, если это не кто иной, как бывший школьный задира и троечник? И так ли уж безупречен тот, кого Ника привыкла считать идеалом мужчины?..

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	37
Глава 4	50
Глава 5	68
Глава 6	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дарья Сойфер

Диагноз: любовь

Посвящается самым настоящим героям наших дней – врачам. Без помощи, критики и чутких консультаций хирурга Евгения Воробьева и анестезиолога Ильи Лифшица не было бы этой книги.

Отдельная благодарность доктору Наталье Табашковой, которая подарила моей жизни смысл и была рядом в самые важные дни.

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Кульгина Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

@niKartashova

25 апреля 06:17

#никавперед #идукмечте

Завтрак – 180 кКал.

Первый шаг к мировому господству

Ника взглянула на градусник: плюс пятнадцать. Не жара, конечно, но если идти быстро, можно и в плаще. Слишком важный день, чтобы кутаться в три слоя. И солнце уже отражается в окнах дома напротив, и почки на деревьях лопнули, будто кто-то распылил аэрозолем зеленую краску. Самое то.

Сегодня. Сегодня она подойдет к нему с бизнес-планом. Ника уже предвкушала заинтересованность в его глазах, улыбку одобрения вместо обычной скуки. Они ведь с Леной все учили? Каждую циферку пересчитали по сто раз, дело верное. Крупнейшая инвестиционная компания, ну что ему стоит выделить немножко на кондитерскую ее мечты? Пять лет образцовой работы. Ни единого прогула, ни одной ошибки в отчетах. Да, пусть он еще не запомнил ее имя, пусть здоровается, не глядя, в те счастливые минуты, когда ей доводится оказаться с ним в одном лифте. Это ничего. Марк Веселовский – обитатель бизнес-олимпа. А она? Просто экономист, одна из многих. До сегодняшнего дня.

Ника подошла к зеркалу и расправила плечи. Убийствен-

но дорогая юбка, блузка на маленьких пуговичках такая белая, как будто ее кипятили и полоскали с синькой, каштановые волосы собраны лентой в пушистый задорный хвост. И идеально уложенная густая челка до самых бровей. Ради этого стоило встать в шесть утра. Ника подцепила пальцем линзу. Не очень удобная штука, но очки – слишком по-учительски. С одной стороны, они бы, конечно, прибавили солидности, с другой – Нике совершенно не хотелось, чтобы Веселовский видел в ней солидность. Вот все, что угодно, только не солидность.

– Готова? – раздался из-за спины голос Лены.

Она только проснулась и теперь сонно щурилась от яркого света. Даже в этой мятой ночнушке умудрялась оставаться грациозной. Выйди она сейчас в таком виде в магазин – все равно мужики бросились бы подобострастно открывать двери, доставать продукты с верхних полок и уступать место в очереди. И Веселовский, скорее всего, моментально одобрил бы бизнес-план, но Ника, мысленно ругая себя за зависть, до последнего старалась держать Лену как можно дальше от своего шефа. Нет, Лена – верная, хорошая и совсем не виновата, что уродилась такой красоткой. Наверное, заслужила в прошлой жизни. Иначе как объяснить, что ей можно закусывать пиццу шоколадом, не вылезая из сорок второго размера?

– Готова, – глубоко вздохнув, ответила Ника.

– А презентацию закачала?

– И в телефон, и на обе флешки. И на рабочую почту себе скинула.

– И в облако?

– И в облако.

– А меню и эскизы?

– Взяла.

– Точно не надо с тобой идти?

– Да нет, что ты, – быстро отреагировала Ника, отметив, как светится в утренних лучах белокурая Ленкина шевелюра. – Я его давно знаю, так будет проще.

– Ну, с Богом. Держись, Баська.

Ника поморщилась. Кличка, прилипшая с детства. Ее так начала звать младшая сестренка, когда только училась говорить, вся семья сочла это умильным, и прозвище вошло в обиход. И все бы ничего, вот только особо остроумный Пашка из соседнего подъезда тут же срифмовал «Баська-Жиробаська». Не без оснований. Класса до девятого, пока у мальчишек не появились другие интересы, Веронику методично дразнили Жиробаськой. Она умоляла домашних называть ее по имени, но те списывали упрямство на подростковый возраст. До сих пор у мамы, сестры и пары самых близких подруг в разговоре иногда проскакивала Баська, и Нику передергивало. Уже вроде и похудела, и школу окончила десять лет назад, но в ушах все звенел Пашкин голос.

– Держусь, – кивнула она.

Сегодня никто не выведет ее из себя. Даже такси заказала

по такому случаю, чтобы не раздавили в кашу в троллейбусе. Расправила плащ, пакет с планом в одну руку, сумочку – на плечо, и как раз телефон звякнул сообщением от водителя. Идеально. Вот так и должно быть. Ника еще раз кивнула своему отражению и вышла из квартиры.

Скромная двушка на окраине Москвы. Хотя... Город расползлся по карте как чернильное пятно, теперь, пожалуй, все внутренности МКАД можно было считать центром. Одинаковые хрущевки с зелеными балконами, оптовый рынок в двух шагах и многофункциональный центр через дом – мечта пенсионера. Такое в «Инстаграм» выложить стыдно. Может, Ника поэтому до сих пор ограничивалась «Твиттером».

Серый «Опель» услужливо урчал у подъезда. За рулем сидел молоденький узбек в кожаной куртке гонщика, и одеколоном от него разило, как от парфюмерной фабрики.

– Большая Дмитровка? – он окинул клиентку оценивающим взглядом.

– Да.

Его интерес, как ни странно, не вызвал раздражения. Это был сигнал: «Ты все сделала правильно». И Ника, довольная собой, пристегнулась и отвернулась к окну.

Первые три года в инвестиционной компании она с удивлением наблюдала за бесконечной вереницей стартаперов. Странные люди! Вместо того чтобы найти стабильную работу, сидят на заднице и строят планы. Изобретают велосипед. То ли дело она – и маме помогает, и сестре-студентке. И мож-

но не переживать о завтрашнем дне. А эти? Мятая футболка, горящий взгляд, на голове – гнездо. А идеи-то, идеи! Эргономичная чесалка для спины, очиститель для яиц, элегантный столовый ложковилконож, USB-кипятильник... Ника и ее коллеги загибались от смеха, а Вовка из отдела маркетинга даже подшил специальную подборку. Но самой непредсказуемой во всей этой истории была реакция Веселовского. Кого-то он гнал взащей, даже если идея выглядела не совсем бредовой, а бизнес-план был составлен идеально, кого-то – наоборот, принимал с распростертыми объятиями и делал неожиданно щедрые инвестиции. Что ж, хозяин – барин, в конце концов, большим боссом он стал не просто так.

Каково же было изумление Ники, когда на четвертом году работы она вдруг встретила одного из тех шизиков, что не так давно неуклюже мялись в приемной. Только теперь это был уверенный в себе бизнесмен. Одноколесные приставки с рулем для инвалидов кресел, которые сама Ника сочла довольно сомнительными, взорвали рынок, а их изобретатель получил почетную премию за лучшую социально значимую инновацию.

Веселовский не ошибался: его вложения давали всходы, совет директоров молился на него, а стартаперы грезили о нем, как младенец о материнской груди.

Ника тоже смотрела на Марка Веселовского с благоговейным трепетом. Он не замечал ее, а она жаждала хоть как-то попасть в его поле зрения. Стать очередным прибыльным

проектом. Ею овладел азарт: она подмечала, что вызывает его одобрение, что заставляет скептически вздернуть бровь. Последнее он делал так часто, что справа на лбу морщинка была глубже, чем слева.

Не то чтобы Нике не хотелось создать свой бизнес. Было страшно, но в сознание все время закрадывалась мысль: «Если эти чудики могут, то почему я – нет?» А больше всего ей мечталось стать равной Веселовскому. Достойной его. Только так. Только умную, самодостаточную женщину, не уступающую ему по деловой хватке, он мог бы полюбить по-настоящему. Почему-то Ника была в этом уверена.

Она видела рядом с ним высоких ухоженных красоток. Все как на подбор: стройные, гибкие, с шелковым полотном длинных прямых волос. Каждую пятницу одна из таких пантер поджидала Марка в приемной. Они спускались в паркинг, садились в его дивный, пахнущий кожей и грехом «Ягуар» и мчались покорять ночную Москву.

Ника не ревновала. И не завидовала. Клубная жизнь ее не прельщала. Она понимала: Марк развлекается. Роскошный мужчина его возраста и не должен быть затворником. Но с таким невероятным умом он вряд ли однажды женился бы на одном из этих андроидов. И вряд ли доверил бы одной из них воспитание детей.

Ребенок Марка Веселовского... Сколько раз она представляла этот разговор, лежа в кровати перед сном! Она подошла бы к нему, прижалась, поцеловала. Вечером, после

долгого рабочего дня. «Нас теперь трое», – сказала бы она, а он в ответ улыбнулся бы и нежно поцеловал ее животик. Спину защекотало от предвкушения. Десять лет фанатичного отслеживания калорий и периодических тренировок, и ей было не стыдно показать Марку Веселовскому свое тело. Пусть роста в ней всего сто шестьдесят, зато формы неплохие. И интеллект. И привычки босса она выучила, как таблицу умножения. Какой кофе любит, какую музыку слушает, что его смешит и как он нарочито ласково говорит «будьте любезны», когда кто-то выводит его из себя.

Она завоюет его. Шаг за шагом. Не торопясь. Следуя плану, который возник в голове шахматной стратегией, когда Ленка, ворвавшись однажды домой, выдала: «А не открыть ли нам кондитерскую?»

Лена всегда фонтанировала идеями. Палатку за плечи и в поход? Пожалуйста. Купить горящие билеты и рвануть в Барселону? И даже дважды. Послушать ее, так надо было сразу бежать, брать кредит и арендовать помещение под новый проект. И все только потому, что накануне у Ники вышли шикарные маффины. Она пекла по настроению для гостей. Если уж нельзя есть сладкое, то можно хотя бы испечь, насладиться запахами теста, корицы и расплавленного шоколада.

Идея с кондитерской показалась бы Нике очередным безумием, если бы не десятки удачных начинаний, которые она наблюдала на работе. Почему бы и нет? В уме побежали

столбики цифр, да и коллеги на днях жаловались: центр города, а в окрестных кафешках вместо печенья подают кружочки подслащенного пенопласта.

И вот, через год планомерной подготовки, бизнес-план обрел четкие очертания. Все карманные деньги и выходные шли на кондитерские курсы. Мастер-классы, визиты иностранных шефов. Все тонкости, вплоть до зеркальной глазури и ультрамодных муссов. Первое время Ника с Леной собирались готовить сами. Они должны были вникнуть в технологию до самых основ, чтобы контролировать качество и вкус. На переполненном столичном рынке общепита это было бы их главным козырем.

Потом Ленин кавалер согласился помочь с дизайном интерьера и меню, все вышло просто, стильно и очень инстаграмно. По крайней мере, в проекте. В эти кирпичные стены с винтажными полками и часами так и просились хипстеры. Бесплатные книги, настольные игры, вай-фай... Золотая жила, а не кондитерская. К тому же Ника с Леной изучили все популярные десерты: макаруны и капкейки, чизкейки и маффины. И нет, их не положено было называть безе и кексами, только заимствования, только то, что можно проставить в хэштеге и сфотографировать рядом с модной книгой на дощатом столе.

Их кофейня-кондитерская должна была называться «Почёрному». Ника просчитала все затраты. Инвестиции требовались внушительные, но по ее плану – а она внимательно

изучила, как выживают их будущие конкуренты, – проект окупился бы через два года. К тому времени они смогли бы открыть еще пару точек, постепенно превращая кофейню в сеть, не уступая пафосным американцам. Они бы сделали и доставку в офисы, предложили торты и пирожные на заказ, словом, брались бы за все, только бы оправдать доверие Веселовского.

Тем временем узбек тронулся с последнего светофора, и Ника достала кошелек. Пора откупорить свои таланты. Она верила в знаки. Все боялась: вот сейчас что-нибудь пойдет не так. Подвернется каблук или застрянет в решетке. Юбку прищемит дверцей. Или мимо проедет поливалка. Но нет – все как по маслу. И каблуки целы, и ветер не портит прическу, и солнце не слепит, а нежно греет лицо.

Ника позволила себе немного расслабиться. Кивнула охраннику, в лифте выслушала историю бухгалтерши о грыже ее любимого мопса и даже рискнула выпить кофе на рабочем месте: ни капельки на новой блузке. Отсутствие знаков – тоже знак. Все будет хорошо. Она постаралась отвлечься и включила компьютер.

Неделю назад Ника подмаслила секретаршу Веселовского, чтобы та оставила в его расписании окошко около полудня. Он уже как следует проснется, войдет в рабочий темп, но не успеет сильно проголодаться или устать от бестолковых соискателей. Идеальные полчаса.

Из коридора уже донесся его баритон. Боже, его бы в

озвучку Джеймса Бонда... Этот голос она бы не спутала ни с одним другим. Еще немного. Два часа пятьдесят три минуты. Ника выпрямилась, потянула шею в разные стороны, как боксер перед боем, и взялась за отчет по проекту.

Цифры путались, печатались не в те колонки, и ей то и дело приходилось возвращаться наверх и перепроверять себя. Мышка не слушалась, пальцы все время попадали мимо клавиш. Нет, так она только навредит. Час безуспешных сражений с самой собой – и Ника отодвинулась от стола, взглянув на коллег. Ритмичное клацанье клавиатур, Оксана, как всегда, в наушниках. Думает, если будет подпевать с закрытым ртом, этого никто не услышит.

Время тянулось, словно жвачка на подошве, – липко и отвратительно. Ника гипнотизировала телефон, и ей уже стало казаться, что он скорее закипит, чем примет сообщение, но, наконец, экран засветился. «Можешь идти, он свободен». Ника украдкой сложила ладони лодочкой, понюхала собственное дыхание, проверила все пуговицы и оглядела со всех сторон колготки на предмет зацепок.

– Никак на свидание собралась? – ехидно поинтересовалась Оксана, вытащив один наушник.

– Надо заглянуть к шефу. – Ника собрала папки.

– Везучая... Он меня сто лет не вызывал. – Оксана откинулась на спинку стула.

– Почему сразу везучая? – встряла Таня. – Может, ее на ковер вызывают?

– Нику-то? – изогнула бровь Оксана. – Да к ней при всем желании не подкопаешься. И даже если на ковер... Ох, уж мне бы на его ковер...

Таня расхохоталась, и Ника нервно хихикнула. Конечно, они не всерьез. Привычный офисный фольклор на тему «Веселовский – альфа-самец». Кроме нее никто не питал иллюзий на его счет, да и она старалась не подавать виду. У Тани свадьба через два месяца, у Оксаны муж есть, и дочка в сентябре в школу идет. Но не было дня, чтобы кто-нибудь из них не пошутил про крепкий зад и прочие очевидные достоинства босса. Нику это коробило. Нет, конечно, она не была каменной и не могла не оценить фигуру, которая просилась на рекламу трусов Кельвина Кляйна. Но ведь он гений! Величайшего ума человек! Как можно видеть в нем только соблазнительный, аппетитный, дразнящий кусок мяса?!

От этих мыслей щеки стало жечь хуже, чем от перцового пластыря. Ну вот! Теперь во время презентации она будет похожа на тетю Римму после третьей стопки. Ника досчитала до десяти и направилась к кабинету Веселовского.

– Войдите, – раздался его магический голос после стука, и она распахнула дверь. – Здравствуйте?.. – Марк оторвался от монитора и перевел на нее вопросительный взгляд.

– Ника, – в который раз напомнила она. – Вероника Карташова. Из финансового.

– А что, Аллы Михайловны нет на месте? – удивился он, имея в виду ее непосредственную начальницу.

– По правде говоря... Я к вам немного по-другому вопросу. По личному...

– Вот как? – Марк иронично улыбнулся, и у самых уголков губ появились маленькие задорные ямочки. – И почему вы думаете, что я могу вам с этим помочь?

– Я неправильно выразилась, – Ника замялась у дверей, чувствуя, как отчаянно и неотвратимо потеют ладони. – Конечно, это касается работы. Только скорее вашей. То есть и моей, конечно, но не то чтобы прямых должностных обязанностей...

– Ника, успокойтесь, – мягко произнес он.

Как будто от этого вкрадчивого, чуть хриплого голоса можно успокоиться! С тем же успехом он мог лизнуть ее ухо и попросить держать себя в руках.

– Садитесь и рассказывайте, что там у вас, – он указал на кресло напротив.

От волнения у нее скрутило живот, но она собралась с силами, стиснула зубы и села.

– Вы в порядке? Побледнели совсем. Да не бойтесь же, я не кусаюсь. Не на рабочем месте, по крайней мере, – и он обнажил ровные белые зубы.

Видимо, пытался разрядить обстановку шуткой, но Ника против воли тут же представила, как именно он кусается, и на спине выступила испарина. Дышать ровно. Кондитерская, меню, приблизительный средний чек, необходимый штат...

– Дело в том, что мы с моим партнером разработали биз-

нес-план, и я хотела бы узнать ваше мнение, – сказала она неожиданно ровно. – Это кондитерская.

Марк сжал губы – нехороший знак. Но она была к этому готова.

– Ну что ж, давайте посмотрим, – кивнул он. – Я так понимаю, окно между посетителями у меня образовалось не просто так.

– Вот сам план. – Ника пододвинула к нему папку. – Там все расчеты. Мы хотели бы предложить клиентам достойные, качественные десерты на западном уровне. Сети, которые приходят к нам из других стран, обезличены. Производство поставлено на поток, и переплачивая за бренд, клиент получает довольно средний продукт. Практически безвкусный. Мы провели анализ кофеен в радиусе пяти километров. Поток посетителей здесь высок из-за концентрации офисов, но большинство заведений оставляют желать лучшего. В приложении два вы можете видеть результаты опросов...

Веселовский слушал сосредоточенно, брови стянулись к переносице. От игривого настроения не осталось и следа.

– Пока достаточно, – прервал он ее минут через десять, когда она уже вошла в раж. – Вижу, вы тщательно подготовились.

– Не хотела зря терять ваше время, Марк Андреевич. – Ника пожала плечами.

– Я это ценю. Конечно, я не люблю, когда люди пользуются служебным положением... Но постараюсь отнестись

беспристрастно. Все сделано неплохо. Мне нравится дизайн, нравится, что у вас будет линия диетических десертов. Идея указывать в меню калорийность тоже хороша, современным девушкам это важно. Не всем ведь так повезло с фигурой, как вам.

Ника еле сдержалась, чтобы не рассмеяться в ответ. Повезло с фигурой? Да это результат адского труда и нечеловеческого самоконтроля. Но от типично мужского взгляда, скользнувшего по ее телу вниз и обратно, пульс нетерпеливо участился.

– Вы как будто хвалите меня, – Ника прищурилась. – Вот только мне кажется, что сейчас будет «но».

– Так и есть. На бумаге все выглядит отлично, и красивые фотографии я оценил. Но я привык иметь перед глазами опытные образцы. Предпочитаю сам делать выводы о качестве продукта.

– Я могу подготовить дегустацию! – оживилась Ника. – В любой момент. Как только скажете.

Веселовский вздохнул и провел рукой по черным, чуть вьющимся у лба волосам. Она почти слышала, как скрипят в его голове шестеренки. На ее счастье, деликатность взяла верх.

– Ладно. В пятницу у нас выездной корпоратив на природе. Стол уже заказан, но вы можете принести десерты. Посмотрим на реакцию публики. Но я не хочу вас заранее обнадеживать, кондитерская вне сферы моих интересов. Будь

это кто-то другой, я бы распрощался минут пятнадцать назад. Сколько вы у нас работаете? Год, два?

– Пять лет.

– Тем более. Вы как минимум заслуживаете внимания.

– Я поняла. Но ведь шанс все-таки есть? – Ника умоляюще распахнула глаза, пытаясь справиться с нарастающей болью в животе.

– Шанс есть всегда. Но небольшой. Вам придется меня поразить.

– Ясно, – она поднялась, еле сдерживаясь, чтобы не согнуться пополам.

– Вы в порядке?! – Марк взволнованно выпрямился.

Ника судорожно вцепилась в стеклянную столешницу, скрипнув мокрыми пальцами.

– Да-да, – выдавила она. – Немного перенервничала.

– Лучше присядьте. Я попрошу Любу принести воды, – Марк подскочил к ней, заботливо взял за предплечья. – Ты же вся ледяная...

– Я... Нормально, я сейчас... – Ника глотнула воздух.

Глаза болели, будто кто-то хотел их выдавить, в грудь словно воткнули железный лом, по пищеводу взбиралась тошнота.

– Я сейчас... Секунду... – Ника слабо улыбнулась, любуясь его темной щетиной, но через мгновение все исчезло. И Веселовский, и его хромированный кабинет, и весь окружающий мир. Ника отключилась.

Глава 2

Ей сильно жало в подмышках. Как крапивка, только в подмышках. Неужели новый лифчик такой неудобный? Ника втянула носом воздух – пахло дико приятно. И спине было тепло. Она открыла глаза и вдруг вспомнила, где находится.

Веселовский тащил ее к дивану, и это давил не лифчик, а его руки. Ника тут же поднялась на ноги и одернула блузку.

– Ты потеряла сознание, – сообщил шеф. – Не волнуйся, Люба сейчас позвонит в «Скорую».

Ника повернулась и увидела в дверях кабинета секретаршу с телефоном. Хрупкий момент уединения закончился.

– Нет-нет, я уже пришла в норму, – попыталась возразить Ника, но Веселовский усадил ее на диван.

– Будет лучше, если тебя осмотрит врач, – твердо сказал он. – Ты выглядишь просто ужасно.

Ника ощупала лоб: он был холодный и мокрый, челка прилипла к коже. Странно, потому что чувствовала она себя превосходно.

– У меня были обмороки во время беременности, – услужливо сообщила Люба. – После них сразу становилось легче.

– Может, ты просто беременна? – Веселовский подозрительно взглянул на живот несчастной сотрудницы.

– Нет, что вы! – Ника мотнула головой.

– Точно? – опять влезла секретарша. – Потому что я тут

на днях видела передачу, в которой женщины узнавали о ребенке, когда рожали...

– Да нет же! – воскликнула Ника и покосилась на шефа. – Неоткуда взяться ребенку. Я в порядке, просто перенервничала.

– Так мне диктовать адрес или нет? – Люба растерянно повертела телефоном.

– Нет, – быстро отозвалась Ника.

– Ладно, Люба, можешь идти. Когда у меня следующая встреча?

– Через семнадцать минут.

– Хорошо. Вызови Веронике такси и попроси кого-нибудь проводить ее до машины. Карташова, чтобы завтра тебя здесь не было.

– Что? Я же ничего такого не хотела... – пролепетала она. – Я случайно...

– Господи, не в этом смысле! Прекрати смотреть на меня такими глазами! Не собираюсь я тебя увольнять. Неужели меня все здесь считают таким чудовищем?

– Нет, что вы! – слишком быстро откликнулась Люба.

– Я просто хочу, чтобы ты взяла выходной, – пояснил Веселовский. – Отдохни и успокойся.

– Но ведь дегустация в пятницу еще в силе? – напряглась Ника.

– Сделаешь, когда сможешь. Я не буду тебя торопить. Только не думай, что я буду давать тебе поблажки всякий

раз, как ты свалишься в обморок!

– Разумеется, – Ника вскочила. – Больше не повторится. Обещаю, вы не пожалеете.

– Да-да, только не спеши. Ты дойдешь до приемной?

– Конечно, шеф. Я вас не подведу, – и Ника, пятась, вышла из кабинета, едва не отсалютовав ему напоследок.

Живот еще ныл, но что важнее, шанс все же был. Цифры в порядке! Да, сейчас кондитерская кажется ему тухлой идеей, но ведь он еще не попробовал их меню! Насколько она изучила Марка, он шокоголик. Значит, бить надо по больному: брауни, тройной шоколадный торт, ее фирменный черный чизкейк с соусом из белого шоколада... И коллеги. Оксане лучше угодить миниатюрными пончиками в глазури, Таня до дрожи любит бэзе, Алла Михайловна – киевский торт, значит, надо смастерить что-то с классическим масляным кремом... В голове уже выстраивался список покупок. Если начать печь в четверг после работы, к утру пятницы они с Леной могут уложиться. Надо только заехать в фирменный магазин за красным красителем, шоколадными каплями и силиконовыми формами. И закрытые коробки, определенно нужны закрытые пластиковые коробки. Надо набрать Лене, и тогда...

– Ника, такси на месте. Ты ведь не собираешься снова отрубиться? – вывела ее из размышлений Люба.

– Да так, задумалась, – Ника махнула рукой. – Все отлично.

– Мой тебе совет: выпей гранатовый сок. Вид у тебя, как будто анемия. И в гречке, говорят, железа много. Гематоген лучше не покупай, тебе же не нужны лишние калории.

– Конечно.

Добрая! Только женщины умеют мастерски подкалывать друг друга, маскируя гадости под заботу. Ника понимала, что идеальной спортивной фигуры ей не видать, виноваты мамыны «песочные часы». Но если все калькуляторы веса уверенно показывают норму, то и нечего устраивать голодовки. Ника себя в этом убеждала, хотя после Любиной шпильки не удержалась и крутанулась перед зеркалом в лифте. Да нет, все хорошо. Бока не торчат уродливыми кусками, живот в профиль вполне себе плоский. Не стоит нервничать, Люба так со всеми.

Домой Ника долетела с комфортом на такси бизнес-класса, оплаченном фирмой. Живот отпустило, и больше ничего не напоминало о недавнем обмороке. Лена еще не вернулась. Суровые будни хорошего пиарщика: никогда не знаешь, в какой момент закончится твой рабочий день. Зато и отгулами начальство Лену баловало щедро. Ника бы так не смогла. Любительница цифр и записок на холодильнике, она бы сошла с ума, если бы не смогла засыпать и просыпаться в одно и то же время.

Пожалуй, единственным, что роднило Нику с подругой, было общее детство. Они выросли в одном дворе, учились в одном классе и, хотя институты выбрали разные, кварти-

ру решили снимать вместе. И веселее, и экономнее. Конечно, можно было остаться в семейных гнездышках, но Ленин старший брат привел домой жену и завел троих карапузов, Никина мама повторно вышла замуж, а с младшей сестрой и отчимом, пусть и на редкость добродушным человеком, Нике было слишком тесно в двушке.

Как-то мама обмолвилась, что знакомая знакомых из соседнего района отдала Богу душу, а родня ее давно пустила корни в Канаде. Квартиру наследники решили сдавать, Ника с Леной подсуетились и уже через неделю гордо втаскивали в новое обиталище коробки с вещами и фикус. Так началась их самостоятельная жизнь: аккуратно после выпуска из института.

Первый год мама Ники исправно навещалась к девушкам, проверяла холодильник и, вероятно, искала следы беспорядочных половых связей и запрещенных веществ. Раз за разом ничего не находя, расслабилась и отпустила старшенькую на вольный выпас. Однако каждый вечер, ровно в десять, после любимого сериала по второму каналу, звонила и обстоятельно визнавала события прошедшего дня. Такая уж она была. Переживательная, как говаривал дядя Витя, Никин отчим.

Рассказывать маме про обморок Ника не собиралась. Ни к чему была лишняя паника. Тем более Надежда Сергеевна недавно освоила Интернет, и теперь по каждой болячке консультировалась с поисковиками. Там находились самые раз-

нообразные ответы: от рекомендации нанести на виски тертый чеснок до рассказов о людях, которые обнаружили у себя те же симптомы и через два месяца скончались от запущенной формы рака. Все заканчивалось одинаково: Надежда Сергеевна ложилась в постель с холодным полотенцем на лбу и космическим давлением, а тот, кого угораздило рассказать матери о болезни, шел сдавать литры анализов и собирать доказательства, что присматривать гравировку для могильной плиты пока рано.

Ника немного подташнивало. Она приготовила себе крепкого чая, повесила офисную одежду в шкаф и устроилась на диване с большим перекидным блокнотом. Конечно, как человек современный, Ника давно установила кучу разных приложений: список покупок, семейный бюджет, счетчик калорий, книгу рецептов и тому подобные фетиши ценителей системности, но ей до сих пор больше всего нравилось записывать от руки. Она испытывала наслаждение, выводя ровным почерком слова по пунктам, расчерчивая аккуратные таблички и выделяя строки неоновыми маркерами.

Страсть к канцелярщине сохранилась у нее со школьных времен, когда яркий пенал, автоматический карандаш или ручка с запахом котировались среди одноклассниц как показатели крутизны. Когда времена тотального дефицита прошли, Ника открыла для себя новый мир цветного скотча, наклеек-закладок, чудесных блокнотов всех форм и размеров, папок-органайзеров и веселых ежедневников. Готовясь к эк-

заменам, она писала крошечные шпаргалки на тонированной бумаге – каждому разделу свой цвет, – ламинировала их и мастерски прятала. И, что самое обидное, в результате ими не пользовалась, потому что успевала все запомнить за время подготовки. Но спроси ее кто, не проще ли было просто выучить, она бы удивленно округлила глаза. В чем тогда прелесть студенчества, если не можешь наделать себе шпаргалок? И не беда, что попытки сжутьничать только подтверждали ее статус главного ботана.

Зато после института Ника с руками и ногами оторвали в крупную инвестиционную компанию, и уж там она смогла развернуться на полную. Ее рабочее место сияло разноцветными стикерами, как новогодняя елка. Ее презентации можно было смотреть просто ради эстетического наслаждения, потому что оттенки графиков она подбирала с умом, как и размер шрифта или толщину стрелок.

Да, новатором Ника не была. Но только она смогла облечь идею Лены в такой мясистый план. Добрый союз пиарщика и трудоголика был обречен на успех. Оставалось только ублажить Веселовского. Его гастрономические вкусы, разумеется. По крайней мере, пока.

И Ника достала папку, которую завела на кондитерских курсах. Полная подшивка рецептов с пометками, фотографиями и комментариями педагогов. То, что должно было стать фундаментом кофейни «По-чёрному». И уже приготовилась было выписать ингредиенты к классическому венско-

му торту «Захер», как телефон разразился песенкой Мериды. Младшая сестра Алинка была хоть и не рыжая, но такая же боевая и неуправляемая, как шотландская диснеевская принцесса.

– Привет, можешь говорить? – первым делом выпалила она в трубку.

Ника довольно улыбнулась. Это не просто вопрос, это результат долгой просветительской работы. Алина не сразу усвоила, что и у других людей могут быть важные дела.

– Конечно, я дома, – ответила Ника и осеклась.

Не надо было, ой, не надо...

– Почему это? – тут же полюбопытствовала Алинка.

– Чувствовала себя неважно, шеф настоял, чтобы я вернулась домой.

– Ясно, – к счастью, объяснение Алину удовлетворило. – Я что звоню: мы вечеринку намечаем с однокурсниками, с меня сладкое. Можешь мне сделать всяких вкусностей?

– Когда?

– В пятницу.

– Алин, никак. У меня завал по работе.

– Ты же сама сказала, что тебя отправили домой!

– Ну не отдыхать же! Во-первых, я действительно неважно себя чувствую, во-вторых, у меня большое задание, которое нужно сдать в пятницу. Не могу, извини.

– Ну Баааасик... – умильно затянула младшенькая.

– Нет, Алин, – твердо ответила Ника.

И не только из-за дурацкой клички. Просто она – не мама, из которой Алине позволено плести любые финтифлюшки. Да и по телефону отказывать проще, потому что не видно этих невинных лазурных глаз. Между прочим, у Ники были точно такие же, а толку? Может, дело в близорукости?

– Ну позязя... – засюсюкала Алина.

Двадцать лет девке, а все туда же!

– Если хочешь, я пришлю тебе видеорецепт. Маффины. Самое простое, что можно себе представить. У мамы ведь есть формочки?

– Ну, не знаю... А где они могут быть?

– Верхний шкаф, справа от вытяжки.

Из телефона раздался грохот.

– Нет, тут сковородки какие-то... Горшочки, железная хрень... – приглушенно бормотала Алина, видимо, прижала трубку плечом.

Ника вздохнула.

– Такой прямоугольный железный противень с ямками в форме кексов, – терпеливо произнесла она.

– А вот, вижу. Но тут же их только... Три, четыре... Двенадцать всего. А нас будет больше.

– Значит, порций испечешь больше. Алин, на видео всё есть. Сейчас скину. Погоди-ка, а ты почему не на парах?

– Да раньше закончили... Забей. Ладно, мне пора, шли свои рецепты, если тебе наплевать на сестренку. – И Алина отключилась.

Мамина радость! Нет, Ника ее любила, но всякий раз после подобного разговора радовалась, что уже пять лет живет отдельно.

Впрочем, отправкой инструкции к маффинам дело не ограничилось. Через полчаса Нике перезвонила мама. И не потому, что Алина была ябедой, просто физически не умела держать язык за зубами.

– Что случилось? – замогильным голосом выдохнула в трубку Надежда Сергеевна. – Тебе плохо? Я приеду.

– Все нормально, мам.

– Ты хочешь, чтобы я спросила у твоего начальства?

– Переволновалась. Показывала Веселовскому бизнес-план, заболел живот, и я...

– Ну же, что произошло?! – напирала Надежда Сергеевна.

– Упала в обморок, – сдалась Ника. – Буквально на секундочку.

– Я знала, что этим все закончится... – мама сделала трагичную паузу. – И кто отец? Твой начальник? Или он отказывается от ответственности? Хотя нет, можешь не отвечать. Мы с Витей поможем тебе во всем. Ты уже встала на учет?

Непредсказуем и стремителен полет материнской фантазии. Ника устало закатила глаза.

– Я. Не. Беременна, – отчеканила она.

– Точно?

– Да.

– Ты ведь знаешь, я не стану сплетничать...

– Мам, я серьезно.

– Слава богу! Разумеется, я хочу внуков, в твоём возрасте у меня уже была ты, но ведь ребенку нужна полноценная семья... Я могу понять, если ты созрела для материнства, и тогда тебе тем более не стоит пренебрегать вниманием достойных молодых людей. Взять хотя бы сына тети Кати: юрист, своя квартира. Да, в Щербинке, но все же...

– Ма-а-ам! – умоляюще протянула Ника. – Я разберусь сама.

– Конечно, конечно. А что с обмороком? Это уже случилось? А головные боли? Ты знаешь, что Верин муж, Аркадий, однажды потерял сознание в метро. Они не обратили внимания, а потом...

– Дай угадаю: он умер.

– Нет, потом у него начала неметь рука. Они сделали рентген, но ничего не нашли. Тогда один невролог отправил его на МРТ, и оказалось, что у Аркадия онкология! Ты представляешь? Сорок шесть лет!

– Так он все-таки умер?

– Да, через два года.

Феноменальная память Надежды Сергеевны бережно хранила абсолютно все трагические истории, услышанные за долгую жизнь. И Ника не сомневалась, что на любой случай у мамы нашелся бы пример летального исхода. Обморок? Рак. Ходил зимой без шапки? Менингит. Смеялся за обедом? Подавился и умер. Бдительность, конечно, хороша, но видеть

во всем предвестники беды... Нику это не устраивало.

– Мам, я здорова, слышишь? Ничего особенного.

– Вот и муж Веры так говорил!

– Все, мне пора. Целую, – Ника сбросила звонок.

Надо же, какие глупости! И как назло, живот откликнулся на мамины увещевания и снова занял. Паранойя, честное слово.

Ника зажмурилась, прогоняя образ несчастного Вериного мужа, и с удвоенным усердием принялась выписывать ингредиенты. Но терпения Надежды Сергеевны хватило ненадолго. Ее улыбающееся изображение высветилось на телефоне минут через десять.

– Да, мамуль, – рассеянно ответила Ника по громкой связи.

– Слушай, что я нашла, – Надежда Сергеевна прочистила горло. – Сейчас, тут где-то... Подожди... Пролисталось вниз... А, вот. Женщина пишет: «У моей подруги живот болел сбоку целый год. А потом она потеряла сознание, ее привезли в больницу, и оказалось, что аппендицит уже лопнул, началось заражение...» Ты слышишь меня?

– Ага.

Новая жемчужина в мамином сборнике медицинского фольклора.

– И что ты думаешь? Помнишь, на Рождество мы делали утку с яблоками? Ты тогда тоже жаловалась на боль в животе. И на Витином дне рождения...

– Живот у меня болел от утки и той селедки под шубой. Он у всех тогда болел.

– А сегодня у тебя где болело? Справа? Слева? Или под ребрами? Может быть и язва, между прочим.

– Все, мам. Мне надо работать.

Дальше все шло неплохо. Нике удалось составить меню для дегустации, просчитать стоимость ингредиентов и даже кое-что заказать с доставкой, чтобы не терять времени на лишнюю беготню.

Около восьми заявила Лена и с порога кинулась в комнату соседки. Ника дословно изложила все, что сказал Веселовский.

– Дело в шляпе! – Лена восторженно хлопнула себя по коленям. – Если после всех курсов мы не накормим какого-то мужика, то я вообще в этой жизни ничего не смыслю.

– Вот, я тут кое-что набросала... – Ника протянула подружке исписанный блокнот.

Лена зашуршала рельефными от чернильной вязи листами.

– Боже... И это все надо сделать? Ты, по-моему, на писанину потратила больше времени, чем нужно на выпечку.

– Все равно нельзя начать заранее, – Ника дернула плечом. – Все должно быть свежим. Если работать в четыре руки, должно получиться. Я сделала два списка: минимум и максимум. Первое нужно кровь из носу, второе – как пойдет. Но если ты хочешь что-то поменять...

– Не, пусть все будет на твоей совести. Вымоталась как ишак, – Лена потерла переносицу. – Давай отметим, а завтра уже начнем подготовку. До пятницы уйма времени, понедельник же только. Мне как раз на работе подарили вискарь. С колой сойдет.

Десятилетний шотландский виски со сладкой шипучкой – Ника с Леной были неважнецкими ценителями алкогольной культуры. Главное, чтобы вкусно и дало по мозгам. Поэтому ночью Нику настигло заслуженное возмездие: желудок взбунтовался. Мутило, подташнивало, ныло то слабее, то сильнее, словно кто-то ударил кулаком. Она встала в четыре, слонялась по квартире, умывалась холодной водой и глотала пачками уголь. Потом просто свернулась эмбрионом на диване и отключиться смогла, только когда через щель между занавесками пробился и вытянулся по полу длинной полоской солнечный свет. Но и этот хрупкий поверхностный сон длился недолго: бравая полька мамы заиграла на телефоне.

– Ты не спишь? – услышала Ника коронный вопрос.

Нет, я не сплю, да, я не сплю – что ни ответь, исход один.

– Доброе утро, мамуль, – пробормотала она, потеревшись лицом о подушку.

– Как твой живот?

– Крутит немного...

– Рвало?

– Ма-а-ам! Я разберусь.

– Конечно-конечно, – торопливо успокоила дочь Надежда Сергеевна. – Я заскочу через полчаса, сделаю тебе бульон с гренками, заварю ромашку.

Мама не любила спорить: просто соглашалась, а потом делала по-своему. И Ника знала, что сопротивляться бесполезно. У мамы была масса способов обидеться, изобразить жертву или заставить почувствовать себя самым неблагоприятным ребенком на свете.

– Буду ждать, – Ника смиренно прикрыла глаза.

– У тебя ведь там убрано? Никаких сюрпризов? – зачем-то уточнила мама.

– Как в казарме, мамуль.

Ника так до конца и не поняла, что именно мама ожидала застать в квартире. Вроде за двадцать семь лет ничего постыдного не было, а Надежда Сергеевна все подозревала ее в какой-то тайной жизни, наполненной грехом и пороком.

Сон уже не шел, пришлось вставать и одеваться. Ника нацепила очки, потому что в выходной день неохота было возиться с линзами. Прибираться не понадобилось: лишь пара стаканов и пустая бутылка из-под колы. Вискаря даже половину не выпили... Вот ведь гады: фирменная коробка, десять лет, а по желудку вон как ударил. Небось очередная подделка. Ника покачала головой и отнесла улику на кухню, где Лена уже пила кофе при полном параде.

– С добрым утром! – неожиданно бодро для типичной совы поздоровалась Лена.

– Привет. А тебе не было плохо после вчерашнего? – Ника включила чайник.

– Нормально, – пожалала плечами Лена. – Не так уж много мы и выпили. Это у тебя вечно все не слава богу.

И бросив, как обычно, на столе кружку и блюдце, подруга поспешила на работу. Ника едва успела всучить ей список покупок. Потом умылась и, держась за ноющий живот, приготовила себе тосты, надеясь хотя бы теплым завтраком унять страдальца. Ей удалось благополучно проглотить кусочек без явного сопротивления. Продолжить эксперимент помешал звонок в дверь, и даже не приблизившись к глазку, Ника крутанула замок.

– Привет, – Надежда Сергеевна ворвалась внутрь вместе с букетом подъездных запахов: сигаретный дым, тушеная капуста и кошки с пятого этажа. – А я не одна.

Она отступила, пропуская высокого мужчину.

– Ты ведь помнишь Павлика? Вы же в одной школе учились.

Ника поправила очки и уставилась на незваного гостя. В ее квартире нагло стояло олицетворение всех школьных кошмаров: автор мерзкой клички «Жиробаська».

Глава 3

@niKartashova

26 апреля 10:54

#бодун #нечаяннаярадость

Завтрак – 30 кКал.

Оказывается, чтобы навсегда забыть о школе, недостаточно просто удалить аккаунт на «Одноклассниках».

Опешив, Ника взирала на Пашу Исаева. Сволочь кудрявая. И ни капли не изменился, как будто у мальчишки выросла щетина. Ника перевела мрачный взгляд на мать, игнорируя приветствие.

– И почему ты меня не предупредила? – спросила она, тщательно выбрав формулировку вместо «Какого черта он здесь делает?» или «А идите-ка вы оба...»

– Мы случайно встретились на улице. Он как раз парковался, приехал с суток. Ты же знаешь, он – хирург. – Надежда Сергеевна с гордым видом размотала газовый шарфик.

Ника что-то слышала, но никогда не воспринимала всерьез. Ну какой может выйти врач из заядлого троечника? Который вырежет почку вместо желчного пузыря? Или забудет в кишках перчатку? Впрочем, теперь хотя бы понятно, зачем мама его притащила. Медицинская консультация вместо смотрин жениха – уже плюс. Бедная! Наверное, караулила

его у подъезда со вчерашнего вечера.

– Как жизнь? – Паша первым нарушил паузу.

– Нормально, как у всех. А ты, значит, все там же с мамой и живешь? – ехидно протянула Ника, вешая объемный плащ Надежды Сергеевны.

– Живу там же. А мама умерла три года назад, – просто ответил Исаев. – Сбила машина.

Ника прикусила язык. Да, Пашку она на дух не переносила, но такое... Вышло бестактно.

– Извини, – буркнула она и получила сигнальный толчок в спину от матери. – Ну, проходи, раз пришел. Ванная – там. Чай или кофе?

– Кофе и покрепче, – Паша выглядел не то чтобы обиженным, скорее удивленным.

Казалось, он не понимал, чем вызвал такое недовольство. К тому же явно расценивал свой визит как любезное одолжение Надежде Сергеевне и рассчитывал по меньшей мере на благодарность. Наверное, и думать забыл про то, как дразнил Нику в школе. Он был из тех людей, которые обожают всех подкалывать, а потом искренне недоумевают, откуда взялись обиды.

Исаев занял собой пол-кухни. Она и так была тесной, но с ним и вовсе стала похожа на телефонную будку. Ника отметила, что Паша заметно раздался. В школе он был жилистым и долговязым, теперь набрал мяса. Под толстовкой было плохо видно – отъелся или накачался, но плечи выгляде-

ли довольно крепкими.

Дневной свет обнажил все, что было незаметно в коридоре: темные круги под глазами, морщины. Исчезли сальные прыщи, с которыми он красовался на выпускном, зато на висках появились первые седые волосы. Сколько ему? Тридцать два? Тридцать три? Такими темпами в пятьдесят он будет седым как лунь. А вот русые вихры все те же, и тот же хитрый прищур. Как будто знает, о чем она думает, и это его сильно забавляет.

– Так значит, ты стал хирургом? – попыталась она завести светскую беседу, пока мама мыла руки.

– Думаешь, я наврал ради красного словца?

Нику словно отбросило на десять лет назад. С ним всегда было невозможно общаться: эта манера отвечать вопросом на вопрос и переворачивать все с ног на голову... Ника отвернулась к плите и помешала закипающий кофе. Варить приходилось по старинке, в турке, никакая кофемашинка в кухню просто не поместилась бы. И так все шкафы были доверху забиты формочками, венчиками и прочими кондитерскими приблудами.

– Так что у тебя стряслось? – Паша смотрел, как Ника наливает ему дымящийся напиток. – Тетя Надя намекнула, что тебе нужна помощь. Хотя, как по мне, ты выглядишь не так уж и скверно.

– Мсье знает толк в комплиментах!

– Ника, перестань! Павлик просто согласился помочь,

могла бы вести себя повежливее, – Надежда Сергеевна появилась в дверях, поправляя прическу.

Двухметровый Павлик невинно поднял брови и пригубил кофе. Ника постаралась: раз просил крепкий, получи такой, чтобы ложка стояла. Надо отдать Исаеву должное, он даже не подал виду. Только улыбка стала чуть менее непринужденной.

– Я уже говорила тебе, что она мучается от болей в животе, – продолжала Надежда Сергеевна, пока Ника, скрестив руки на груди, изучала реакцию Паши на свое варево. – А вчера на работе потеряла сознание.

– Вот как? – Исаев не сводил с Ники пристального взгляда. – И почему она не вызвала неотложку?

– Потому что это удовольствие для избранных, – Ника задрала подбородок. – Мне не нужны укол для галочки или госпитализация в инфекционку. Ты же сам видишь, я здорова.

– А температура?

– Нормальная.

– Павлик, не слушай! – снова вмешалась Надежда Сергеевна. – Я не удивлюсь, если она не знает, где лежит градусник. Прошу тебя, осмотри ее. Только внимательно, она никогда ничего не говорит. Наверное, это самый ужасный тип пациентов!

– Конечно, – серьезно кивнула Ника. – Я уверена, врачи гораздо больше любят тех, кто требует биопсию каждой но-

вой родинки, даже если это прилипшая крошка.

– Ника, перестань! Хоть раз сделай, что я прошу.

– Как скажешь. Мне уже начинать раздеваться? – девушка взялась за футболку.

– Нет, это невыносимый субъект, – Надежда Сергеевна закатила глаза. – Павлик, мне без тебя не обойтись.

– У меня есть опыт работы с буйными, – ухмыльнулся Исаев. – Пойдем, Карташова, и не пытайся меня напугать. Я и не такое видел. Буквально во вторник привезли нам одного мужика. Представляете, тетя Надь, почти двести килограмм!

Вот наглец! Это на что он намекает? Ника свирепо закусила губу. Значит, хуже – только двухсоткилограммовые мужики? Да она только вчера взвешивалась, все в норме! Даже похудела чуть-чуть. И не ела вечером...

– Идем, идем, – Паша поднялся со стула и навис над ней тенью отца Гамлета. – Потом будешь пожирать меня глазами.

Ника резко развернулась и потопала в комнату, судорожно придумывая какой-нибудь язвительный ответ. Как назло, шутки про лишний вес напрочь вывели ее из себя и все остроумие, накопленное годами, куда-то испарилось. Ох, ну и припомнит же она маме, когда Исаев подтвердит, что живот в норме.

– Заходи, – Ника распахнула дверь в свою комнату и пропустила Пашу.

– А у тебя ничего, миленько, – он огляделся. – Так ты у нас, значит, боишься врачей?

– Вот еще! – она хмыкнула.

– Или просто не веришь в российскую медицину?

– А на тебе что, прослушка?

– Давай уже рассказывай, что стряслось.

– Да говорю тебе, ничего! – отчаянно воскликнула Ника

и вкратце изложила случившееся. – Ночью немного ныл, но я сама виновата, мы с Ленкой перебрали немного...

– С какой Ленкой?

– Ну, с нашей. Макарычевой.

– Ясно. И часто ты так перебираешь?

– С прошлого года перестала считать, – улыбнулась она, но Паша смотрел на нее серьезно. – Да ладно, шучу! Почти не пью. Так, повод был.

– А это что? – Исаев указал на ее красочные карточки для меню. – Твой иконостас?

Дыши, Карташова. Дыши глубже. Ника сжала кулаки и яростно смотрела на него, как тогда, когда она была в третьем классе, а он – в восьмом, и на виду у всех размахивал ее широкими физкультурными шортами.

– Ты ведь не из тех, кто ест и вызывает рвоту? – продолжал он. – Потому что при таком питании твоя фигура кажется неоправданно худой...

– Пшел вон, – зашипела Ника, чувствуя, как раздуваются ноздри. – Пшел вон отсюда!

– Да ты чего? – удивился Паша. – Нормальные вопросы. Когда мы имеем дело с болями в животе, часто они вызваны

проблемами с желудочно-кишечным трактом, а это, в свою очередь, следствие неправильного питания. Булимия и анорексия – то, что надо исключить в первую очередь, зная о твоих проблемах...

– Ну все, Исаев!

– Тише, тише, – он примирительно поднял руки и заговорил елейным тоном: – Все в порядке. Нет – так нет, не кипятись. Здесь только ты и я, никто не узнает. Ты же слышала о врачебной тайне?

– Я тебя по-хорошему прошу... – начала она.

– Понял! Сейчас уйду. Две минуты. Дай руку.

Ника с опаской протянула ему ладонь, словно он мог вложить в нее дохлую лягушку, как в детстве. Но он всего лишь обхватил пальцами запястье и взглянул на часы, считая пульс. Пальцы были сухими, теплыми и уверенными. Конечно, с чего бы ему было нервничать, ведь это не она его доводила до белого каления.

– Ну вот, восемьдесят, – с улыбкой резюмировал Паша. – В рамках нормы, хотя ты немного психанула.

– Только не говори, что эти издевательства – обычный врачебный тест, – буркнула Ника.

– Какие издевательства? – его брови дернулись вверх, и лоб наморщился. – Я ведь сказал только, что ты худая. Теперь и это считается обидным? Ладно, ложись, поднимай футболку.

– Зачем? – нахмурилась Ника.

– Карташова, хорош препираться! Я могу сейчас сказать твоей матери, что подозреваю аппендицит, и поедешь на «Скорой» выяснять отношения с другими врачами.

Сердито сопя, Ника улеглась и задрала футболку, радуясь, что на ней благопристойный плотный лифчик телесного цвета. С ее объемом чашек было не разбежаться в «Секретах Виктории», главное – широкие лямки, чтобы не желающие худеть части тела оставались на высоте.

Ника ждала от Исаева, что он присвистнет, округлит глаза или отпустит какую-нибудь пошлость, но он просто принялся задумчиво прощупывать ее живот.

На долю секунды Нике стало даже обидно, что он не проявил к ней никакого интереса, кроме врачебного. Само собой, она помнила про этику, профессионализм и все дела, но ведь было бы до жути приятно, если бы именно он после долгих лет издевательств вдруг заметил, как она преобразилась. В сказке про гадкого утенка Нике всегда нравился момент, когда в финале бывший неказистый птенец со стайей лебедей летит над скотным двором. И сейчас она ощущала себя тем самым лебедем, а Исаев неплохо подходил на роль всех обитателей скотного двора, вместе взятых. В конце концов, почему Пашины подколки до сих пор так действуют на нее? Ведь это он разъелся, а не она, и это ей впору его дразнить.

От теплых пальцев ее кожа покрылась пупырышками. Подумать только! Паша Исаев – в ее комнате, а она лежит перед ним полуголая... Лет десять назад... Да что там, еще сего-

дня утром если бы кто-то предположил подобное развитие событий, Ника расхохоталась бы ему в лицо.

– Колени согни. Руки по швам. Расслабься, – в этом серьезном дядечке было не узнать главного школьного хулигана.

Он аккуратно трогал ее живот, постукивал, серьезно щурился.

– Больно? А так? А здесь? – тихо спрашивал он.

Ей было даже приятно. То ли его прикосновения согревали, то ли уголь, наконец, помог, но ноющая боль, донимающая ее со вчерашнего дня, отпустила.

– Когда ты последний раз ела?

– Вчера завтракала и сегодня собиралась, но успела только надкусить тост.

– Это такая диета?

– Да нет... Не до того было, да и не хотелось особо.

– Рвота?

– Нет. Мутило немного.

Ника уже расслабилась и решила, что все вот-вот закончится, как вдруг Паша одним надавливанием будто попал на синяк. Внизу живота, справа, почти у тазовой кости. Не так, чтобы адская боль, – вполне терпимо. Но как-то... Неприятно.

– Больно? – тут же среагировал он.

– Да нет, – Ника мотнула головой.

Может, и правда синяк, ударилась – и забыла. А он сейчас

маму накрутит.

Паша сместился, прощупал рядом, а потом снова вернулся. Ника напряглась.

– Вот здесь разве не больно? – настойчиво переспросил он.

– Не-а.

– Ясно.

– Чего тебе ясно? – Ника сдвинула брови и поправила очки.

– Твоя мама была права. Обманывать – нехорошо, между прочим. Тем более врача.

– Да там скорее немного неприятно... Может, яичник?

– Сразу видно отличницу по биологии, – Паша иронично взглянул на нее. – Может, и яичник. Когда должны начаться месячные? Боль усиливается после тренировки или полового акта?

– Исаев, я не собираюсь это обсуждать с тобой! – возмутилась она. – Какая тебе разница, есть у меня... тренировки или нет?!

– Да повзрослей ты уже ради бога! – на щетинистых скулах зашевелились желваки. – Яичники ничем не хуже остальных органов. Ты уверена, что температура не поднималась? Болит больше внизу живота?

– Не поднималась. И сложно сказать, когда внизу, когда по всему...

– В общем, так, – Паша раздраженно поднялся. – Я не уви-

дел явных признаков какой-то определенной болезни. То ли симптомы смазанные, то ли ты чего-то недоговариваешь.

– То ли действительно я здорова, а ты – ни черта не шарьшь, – поддела его Ника, поправляя футболку.

– Как знаешь, мисс кандидат медицинских наук. А теперь сядь и выслушай, что я тебе скажу. Я не могу исключить кисту в яичниках или аппендицит. Явных признаков нет, но и исключить нельзя.

– А разве аппендицит не выше? – Ника изогнула бровь: нашелся тут доктор Хаус.

– Я не могу исключить кисту в яичниках или аппендицит, – терпеливо повторил он, хотя на лбу уже проступила венка. – Острой ситуации нет, но ты должна как можно скорее сделать УЗИ. Чем быстрее, тем лучше. И сдай кровь. В любой ближайшей лаборатории.

– На следующей неделе подойдет?

– Как тебе сказать, Карташова? Может, подойдет. А может, за пару дней разовьется острое воспаление или киста лопнет. Начнется перитонит, и хорошо, если неотложка успеет до тебя доехать. Хочешь рискнуть и проверить?

Ника покачала головой. Когда он так говорил, ей становилось не по себе.

– Ты, видимо, считаешь это все шутками, – назидательно продолжал Исаев. – Или думаешь, что болеют одни слабаки. Или тебе кажется, что очередное твое дело нельзя отложить. Так вот: девяносто процентов тех, кто оказывается у меня на

столе, думали так же. И почти у всех можно было обойтись меньшей кровью. Поэтому если хочешь, маме пока ничего не говори. Но возьми себя в руки и сделай УЗИ сегодня же. Крайний срок – завтра. Поняла? Можешь пойти и в платный центр, но там тебе напридумывают кучу лишних заболеваний, чтобы развести на деньги. Есть куда записать?

– Да, секунду... – она протянула со стола пачку розовых стикеров.

– Ничего не изменилось, – на мгновение уголок его рта дернулся вверх. – Это мой телефон. А это – Ольги Евгеньевны Зайцевой, моей коллеги. Она – узистка в приемном. Шестой корпус, хирургическое отделение. Спросишь у охранника, скажешь, что от меня. Я предупрежу, она тебя посмотрит. Возможно, придется подождать, если привезут кого-то тяжелого, но она хороший специалист. Поняла?

Ника кивнула, принимая назад бумажку с каракулями.

– Запомни: температура, острая боль, диарея, рвота или повторная потеря сознания – сразу вызываешь «Скорую».

– Ладно, ладно, убедил. Спасибо, – Ника встала, чтобы проводить его на кухню. – Ты голоден?

– Я с суток. Если ты не хочешь, чтобы меня вырубил прямо здесь, дай мне спокойно добраться до дома.

Надежда Сергеевна уже металась по коридору, как лорд, ожидающий появления наследника.

– Ну что? – выдохнула она, когда Паша распахнул дверь.

– Не волнуйтесь, с Басей все будет в порядке, – Исаев по-

ложил руку даме на плечо, и та довольно заулыбалась.

Ника стиснула зубы. Вот поганец! Только она прониклась уважением к его работе, как он разрушил все одним упоминанием тупой клички. Ну уж нет, не нужны ей теперь его советы! Лучше сходить к нормальному врачу, чем увидеть его еще хоть раз. И с какой радости он ведет себя как дамский угодник, если сам больше похож на Никиту Кожемяку?

– Ох, Павлик, как ты выручил! Какой молодец! – закудахтала Надежда Сергеевна. – Если что-то будет нужно, обязательно обращайся! Ника торты делает, да и я всегда буду рада видеть тебя у нас к ужину.

– Ладно, девочки, мне пора, – Паша кивнул Нике и, наконец, освободил и без него тесную прихожую.

– Ты заметила, какой он стал видный? – мама вцепилась в локоть Ники и выразительно подмигнула. – Самый настоящий врач!

Для Надежды Сергеевны врачи были высшей кастой. Как всякий уважающий себя ипохондрик, она мечтала, чтобы кто-то из ее домочадцев был доктором. Дочерей пристроить в мед не удалось, оставался один вариант занять в семью врача – сделать его зятем. Но с Никой этот фокус не выйдет. Пускай мама лучше упражняется на Алинке, а Ника свою ставку сделала: или Марк Веселовский, или она умрет старой девой.

Глава 4

@niKartashova

29 апреля 04:32

#никавперед #кондитерскиештучки #никапекарь

Ночь больших коржей закончилась. Плюсы: я больше не могу смотреть на шоколад. Минусы: лимит калорий исчерпан три литра глазури назад. А вы пробовали не пробовать во время готовки?

До УЗИ Ника так и не дошла. В больницу к Исаеву она не поехала бы и под дулом пистолета, живот успокоился, а участковая, к которой Ника заглянула в среду за направлением, ничего страшного не нащупала, лишь порекомендовала щадящую диету и записала на ультразвук через пару недель.

– А может, придатки застудила. Попей травяной сбор. И какую-нибудь согревающую мазь тоже хорошо. Не пройдет – иди в женскую консультацию, – равнодушно изрекла участковая, не отрываясь от записей.

Поэтому с чувством выполненного долга Ника погрузилась в подготовку к дегустации.

Выездные корпоративы вошли в моду не так давно, года два тому назад. Компания нанимала специальных аниматоров для взрослых, и те устраивали командные игры на свежем воздухе. Считалось, что это способствует укреплению коллектива. На самом же деле сослуживцы просто терпеливо

ждали, когда закончится обязательная программа по бегу в мешках или игре в пейнтбол, чтобы приступить, наконец, к шашлыкам и напиткам.

Нику во всей этой истории привлекало больше созерцание Веселовского без привычного костюма и галстука. В потертых джинсах и толстовке он выглядел обезоруживающе домашним, близким к простым смертным. Крепкие руки, сжимающие мяч, низкий раскатистый смех, растрепанные от ветра волосы... Ника всякий раз любовалась им издали за туманенным от восхищения взглядом. Так смотрят только девочки-подростки на своих сладкоголосых кумиров. Хорошо, что Ника всегда была осторожна с алкоголем и ни разу не пересекла ту опасную грань, за которой лежат восторженные визги и недвусмысленные намеки. Как бы сильно ей ни нравился Веселовский, она планировала однажды заставить его сделать первый шаг.

В пятницу утром, нагруженная коробками с выпечкой, в нарочито скромных, но безбожно узких голубых джинсах с низкой талией, Ника забралась в корпоративный микроавтобус. Бизнес-маршрутка устремилась против всех пробок по Ярославке. Там, в гостиничном комплексе, начальство арендовало просторную открытую веранду.

Некоторые сотрудники предпочли бы использовать лишней выходной, чтобы пораньше умотать на дачу с рассадой: майские праздники все ж таки, традиция. Да и вообще, перспектива на отдыхе любоваться на те же физиономии, что и

остальные двести сорок семь рабочих дней в году, была довольно сомнительной. Но критиковать большое руководство в его порыве щедрости никто бы не посмел. Марк Веселовский – и тот стал заложником ситуации. Он, конечно, ехал на своем «Ягуаре», потому что мог остаться в отеле на ночь. Не то чтобы Ника всерьез рассчитывала на продолжение вечера, но некоторые пирожные вышли настолько удачно, что нижнее белье она подобрала с особой тщательностью.

Разумеется, в спальне ей нечем было удивить Веселовского. С его-то опытом... Пожалуй, стоило бы выбрать тактику максимального воздержания, заставить его полюбить сначала ее ум, характер, трудолюбие и, что уж там, кондитерские таланты. Но Ника не доверяла себе. Как только она увидит, как он с наслаждением надкусывает пирожное с малиновой сердцевиной и пышной шапочкой крема из рикотты, сразу бросится на него голодным питбулем. На Марка, конечно, не на пирожное. Именно эти сцены навязчиво плыли перед ее взором, когда она накануне отмеряла муку. Пришлось несколько раз пересыпать обратно, потому что она отчаянно сбивалась со счета.

Тихое поскрипывание новых пластиковых коробочек вызвало у коллег Ники любопытство.

– О-о-о, – протянул Володя Симаков из отдела маркетинга тем басовитым тоном, которым обычно на семейных застольях радуются новому блюду.

И сразу посыпались вопросы:

– Что-то сладенькое?

– Купила или сама пекла?

– А что за повод?

– Ты замуж собралась?

– Так все-таки беременна? – последнюю реплику выдала, естественно, Люба.

Ника пробралась назад, чтобы пристроить выпечку на свободное сиденье, и, наконец, сама уселась рядом и поправила челку.

– В общем, – прервала она любопытных. – Пекла сама. Повода нет. И я, Люба, не беременна. От слова «совсем». И замуж меня никто не зовет. Просто мне для курсов надо... Веселовский обещал провести дегустацию и написать отзыв.

– Какие курсы? – выгнула бровь Оксана.

– Ну, хобби у меня такое, – Ника глянула в темный экран телефона, как в зеркало. – Только я вас умоляю, не трогайте, пока шеф не попробует. Очень прошу!

– У-у-у, кто это у нас решил действовать через желудок? – вкрадчиво спросила Татьяна, сорокалетняя бухгалтерша.

– Точно-точно, – поддакнула главная сплетница Катенька. – Курсы какие-то... Можешь по ушам не ездить.

– Вот, блин, только я решил, что ты там самая нормальная, – курьер Вася разочарованно хмыкнул, его щеки привычно засветились пунцовыми пятнами. – А ты туда же...

– И все тихой сапой, – прищурилась Оксана, заправив за ухо прядь ядовито-рыжих волос. – Сидит, прикидывается

мышкой, а сама подбирается, подбирается...

– Думайте что хотите, – максимально равнодушно произнесла Ника.

– Да ладно, что вы на нее набросились? – вступилась Люба. – Шефа она до чертиков боится, и потом, она же не дура, чтобы питать какие-то иллюзии!

Ника натянуто улыбнулась: сейчас ее раскатают из лучших побуждений как из брандспойта.

– И потом, ну кто пойдет соблазнять шефа в такой толстовке? Все знают, какие у него вкусы, – любезно продолжала секретарша.

– Кстати, да, – согласилась программистка Соня и перекатила жвачку на другую сторону рта. – Чувак может себе позволить питаться в лучших ресторанах и завести личного шеф-повара. Пирожные – последнее, что ему надо от бабы.

На меньшее Ника могла и не рассчитывать. Если женским коллективом управляет во всех отношениях соблазнительный и недостижимый мужчина, каждую, кто подойдет к нему меньше чем на метр, загрызут. И неважно, что ни одной из них не светит. Зато начало тимбилдинга прошло успешно: сплетня моментально сплотила сослуживцев.

Об остальном позаботились профессиональные коучи. Услышав этот заимствованный термин впервые, Ника поняла: так стали называть массовиков-затейников, чтобы им было не стыдно рассказывать о своей работе. Не тамада, а бизнес-тренер, не пионервожатый, а тимбилдер.

Эти подозрительно бодрые парень и девушка с безумным взглядом тех, кому запрещено не улыбаться, разделили работников на две команды. Где-то в окрестном лесу они спрятали клад, и добраться до него можно было только тернистым путем унижительных испытаний. Пролететь через паутинку, встать на групповые лыжи, продвигаться задом на корточках или бежать в парной связке нога об ногу. И все это в печальном апрельском лесу, в котором если снег уже и растаял, то холодная почва его еще не впитала и теперь многообещающе чавкала под ногами. И ладно бы просто слоняться между замшелыми деревьями, отыскивая тайные знаки, но ведь лезть через паутинку солидным людям вроде Аллы Михайловны или Анатолия Семеновича из финансового было крайне затруднительно.

Ника обреченно слушала боевой инструктаж. Что бы она сегодня ни надела: эти дорогие джинсы, вечернее платье с вырезами, обтягивающее, как форма греко-римского борца, или просто клетчатые пижамные штаны, уже через полчаса она будет представлять из себя жалкое зрелище. Никакие сладости после этого не реабилитируют ее в глазах Веселовского.

Хотя, и в этом она ни секунды не сомневалась, Марк в финале останется безупречным. Никто и никогда не видел его в мятом костюме или с пятном на галстуке. То ли перед офисом его натирали полиролем, то ли в него уже была встроена грязеотталкивающая функция.

Это немного пугало Нику, потому что сама она идеальной не была. Сможет ли она когда-нибудь расслабиться в его присутствии? Пошутить над ним, ущипнуть за пресловутый зад дискобола? Как вести себя с его семьей? Как, в конце концов, ходить в туалет в его квартире?

Она покосилась на шефа. Вызов природе: светлые замшевые кроссовки, футболка-поло, легкая кофта повязана на плечи. Не хватает только клюшки для гольфа. А темная небритость выглядит опрятнее, чем гладкие щеки курьера Васи.

– Мы не будем облегчать вам задачу, – сообщила девушка-тренер. – В пары встанут совсем разные люди. По комплекции, росту, возрасту... Вы должны научиться понимать друг друга, чувствовать. Вот вы, Любовь, подойдите к Анатолию. Владимир... А, нет, простите, Василий – к Алле, Марк... Ну, пусть будет вот эта девушка. Повернитесь, я не вижу вашего имени... Вероника. Отлично. Оксане мы подберем...

Дальше Ника уже не слушала. Повернула голову и робко посмотрела на шефа, он подошел к ней и ободряюще улыбнулся. Она все ждала, что Марк разозлится, пошлет этих зайчиков туда, куда не проникает дневной свет. А он невозмутимо поставил свою ногу рядом с ее, чтобы парню было проще их связать.

– Но это же... То есть я не... – залепетала Ника.

– Все в порядке. Если не сопротивляться, они быстрее от-

станут, – тихо ответил Веселовский.

– И вы... не против? Я имею в виду, вы ведь можете отказаться, – прошептала она, когда чертов тренер затянул узел на ее лодыжке.

– Могу. Но лучший способ заставить участвовать всех – участвовать самому. Тогда им будет неудобно сачковать.

Его крепкие мышцы жгли ее через два слоя ткани. Все навалилось сразу: запах одеколona, близость тел. Даже веревка вдруг стала искушением, и это ей, девушке самых что ни на есть пуританских взглядов. Поэтому Нике приходилось постоянно сжимать руку, впиваясь ногтями в ладонь, чтобы не терять связь с логикой и окружающим миром.

– Марк Андреич, вы собираетесь победить? – поинтересовалась Ника, уже прикидывая, чем ей придется пожертвовать.

– Брось! И давай не будем выкать. Мы в одной связке, вне стен офиса – сойдет.

– Конечно, как скажете.

– То есть можно уже начинать.

– Ну да, точно. Конечно. Как... – она сделала над собой усилие. – Как скажешь.

– Победа нам не нужна, – мягко произнес Марк, и ей показалось, что она ощущает вибрацию его голоса кожей. – Отнесись к этому, как к лесной прогулке. Давай, приготовься, начнем со связанных ног.

Стартовый пистолет выстрелил, и Ника послушно двину-

лась было вперед, но ширина его шага заставила ее пошатнуться.

– Тише, тише, не торопись, – проговорил Марк, будто успокаивая норовистую лошадку. – Обхвати меня за талию, держись... Моя вина, будем шагать потихоньку.

Словно наблюдая за собой со стороны, Ника робко протянула руку и сделала, как он предложил. Боже! Какое твердое, но вместе с тем гибкое у него тело! Теперь понятно, за что дамы забальзаковского возраста платят стриптизерам. Под ее пальцами все бугрилось, перекатывалось... И хоть Ника всегда считала главным мужским достоинством ум, теперь ей было плевать на бизнес-чутье Марка и прочие его заслуги перед обществом.

Его рука теплым грузом легла на ее плечи, он прижал ее к себе, и она каким-то чудом умудрялась переставлять ноги, не повиснув на нем безжизненной лианой. Если бы кто-нибудь сейчас посмел развязать их, Ника, забыв о гордости и стыде, легла бы на землю и вцепилась в штанину Марка, волочась следом, как приставший к подошве листочек.

– Вот видишь, у нас неплохо выходит, – пробился в ее вязкий от чувственности мозг голос Веселовского.

Марк был бодр, лихорадка его не заразила. И ясно, почему: столько лет укреплял иммунитет со своими тигрицами... Теперь одна среднестатистическая домашняя кошка не вызовет у него даже желания погладить.

– Я приготовила дегустацию, – старательно артикулируя,

произнесла она больше для себя, чем для него. – Надеюсь, вышло неплохо.

Ника избегала личных форм, потому что пока не могла обращаться к нему на ты, несмотря на откровенно похабные желания, которые ее сейчас одолевали. Напротив, в этой пропасти между ними было что-то особо волнующее.

– Прекрасно. Если честно, меня впечатлили твои сертификаты с курсов. Значит, решение было более чем взвешенным.

– Да. Я не стала бы беспокоить ва... – она осеклась, но успела исправиться. – Важного человека из-за сиюминутной прихоти.

– Я тебе верю. Ну вот, еще чуть-чуть, и первое испытание пройдено.

Что? Оторваться от него? Нет, пожалуйста! Еще чуть-чуть! Неужели тут совсем негде заблудиться? Пошел бы дождь, они бы прятались, бежали, нашли гостиницу, когда микроавтобус уже отчалил, и он пустил бы ее в свой номер, и там, нетерпеливо сдирая мокрую одежду... Но нет, небо чистое, как в День Победы.

– Предпоследние, зато ни разу не упали, – подытожил Веселовский, нагибаясь, чтобы развязать веревку.

Ника только сейчас обнаружила, что многие уже встают на групповые лыжи, и у Оксаны весь левый бок в земле. Надо же, магия Веселовского распространяется и на его партнеров, у самой Ники даже на кроссовках ни пятнышка.

И Марк, разумеется, словно из магазина, удивительно, что из его штанов не торчит этикетка. Она случайно перевела взгляд на него и застыла: пока он корпел над веревкой, часть спины оголилась, из-под пояса показалась черная резинка с логотипом... Карташова, приди в себя! Именно так люди и становятся маньяками.

– Смотри, там еще два места, – Марк выпрямился и расправил футболку. – Ну что, встанем на лыжи?

Две доски со штрипками для нескольких пар ног. И никакой страховки, никаких лыжных палок! Как люди должны на них передвигаться? Хотя... Если они с Марком встанут друг за другом, она будет прижата к...

– Это издевательство какое-то, – бурчал Анатолий Семенович. – Мы что, школьники?

– Два высших образования! – возмущалась Алла Михайловна. – Ради этого? Нет, ребят, даже не пытайтесь.

– Так и быть, можете переходить сразу к ходьбе гусиным шагом, – девушка-тренер указала на следующую зону испытаний, огороженную оранжевыми флажками.

– Давайте просто плюнем на эти лыжи, – взмолилась Люба. – Марк Андреич, ну пожалуйста! Я весь бок отбила! А если мы все поляжем? Грязно же! Как мне в этом потом домой ехать?

– Вот именно! – ноздри Анатолия Семеновича раздувались так широко, что и с нескольких метров был виден каждый волосок. – Я отказываюсь. Если хотите, оформите мне

этот день за свой счет.

– Но так нельзя! – садистка в форменной футболке даже спорила с улыбкой.

– Программа тренинга была одобрена руководством, – радостно кивнул ее напарник.

– И что, меня теперь уволят после пятнадцати лет? За какие-то дурацкие игры? – Анатолий Семенович содрал флажок и зверски его скомкал.

– Ну что вы, – вмешался Веселовский. – Это просто развлечения для укрепления климата в коллективе. Никакой принудиловки. Если кто-то устал, может пройти к столу с закусками. Уверен, там и ребусы какие-нибудь найдутся, и мафия.

Сослуживцы с облегчением отошли от лыж.

– Но лично я, – Веселовский заставил всех обернуться. – Собираюсь продолжить занятия. Активность на свежем воздухе еще никому не повредила. Наверняка найдутся те, кто думает так же. Да, Карташова?

Ника мысленно распаковывала коробки с десертами и думала, чем угостить шефа в первую очередь, а он... Она обвела взглядом коллег и сразу поняла, что потом придется заплатить. Но подвести Веселовского было выше ее сил.

– Конечно, Марк Андреич. Я с удовольствием... – она подбирала слова, чтобы описать эту содомитскую вакханалию, но в голову приходили только обидные эпитеты. – Будет интересно посмотреть, что нам еще приготовили.

Оксана устало ссутулилась, Вася закатил глаза, Таня свирепо поджала губы. Ника понимала: они не хотели выглядеть самыми слабыми в глазах шефа. На тренеров всем было плевать, но мнением Веселовского дорожили. Лыжи оставили позади, хотя это, пожалуй, единственное, на что была сейчас согласна Ника. При условии, что Марк окажется за спиной.

А дальше был гусиный шаг. Худшее изобретение физкультурников. Ника приучила свое тело к спортивным нагрузкам, порой даже получала наслаждение после хорошей тренировки в зале. Уверенность в себе, приятное гудение в мышцах. Но советские школьные ископаемые вроде каната, козла и гусиного шага не вызывали ничего, кроме омерзения и страха.

Пятиться назад на корточках? Это было почти невыполнимо. Ника обреченно опустила голову, чувствуя, будто собралась оправиться на глазах у коллег. Ситуацию спасало лишь то, что остальные были в том же положении.

Ткань джинсов опасно натянулась и даже заскрипела, пояс впился в живот. Ника еле двигалась. В любом другом случае отставать было бы спасением: плестись в хвосте и верить, что скоро про тебя забудут. Лучший прием для забегов на длинные дистанции. Но при движении назад Ника была формально впереди, то есть у всех на виду. Ее позорно раскоряченный зад – на виду у всех. У Веселовского.

От нестерпимого стыда Ника зажмурилась. Живот снова заныл, и она сжалась, как могла, боясь, что причина в метео-

ризме. Господи, пощади! Эта картина будет у него в памяти вечно! Разве сможет он после этого доверить ей деньги компании? Кондитерская «По-чёрному» и не могла начаться с чего-то другого.

Умирая от позора, преодолевая боль, Ника пятилась назад. Пусть хотя бы знает, что она упорная. Шажочек, еще один, еще... Когда тренер отворачивалась, Ника опиралась на руки. Еще немного... Но тут пятка зацепилась за корень, и чтобы не плюхнуться в грязь, Ника отставила ногу. Слишком далеко. Слишком резко. Смачный треск возвестил о худшем, что могло с ней случиться. Нет, это был не метеоризм. Перед законами физики все равны. И предельная растяжимость джинсы с разгромом пала перед габаритами пятой точки. Штаны разошлись по шву.

Ника ахнула, беспомощно дернулась, чтобы прикрыть срамоту, потеряла равновесие и, в последний раз взмахнув руками, опрокинулась навзничь. Все кругом стихло. Она закрыла глаза и, если бы могла, закрыла еще и уши. Ей хотелось отгородиться от всего мира, исчезнуть, отмотать время назад, сделать вид, что сегодня ее здесь не было.

Ника мучительно ждала смеха и издевок. О, случись это в школе... Будь рядом Пашка Исаев... Если правда, что человек может хохотать до смерти, за ним бы уже подъехали коронеры. Позор, господа, какой позор! Попадитесь ей теперь эти чертовы коучи! Выследит каждого! От падения болела почему-то не спина, а живот.

Через закрытые веки она почувствовала, как что-то загорает свет. Взглянула одним глазком – над ней нависало обеспокоенное лицо Веселовского.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Ты все видел... – убито прошептала она. – На меня все смотрят?

– Так, ребята! – шеф поднялся. – Зарядки на сегодня достаточно.

– Но ведь у нас еще бревно и паутинка... – встряла мерзкая затейница.

– Я сказал: достаточно. Идите к столу, мы сами разберемся. Оксана, убери, пожалуйста, телефон.

– Ушли? – тихо осведомилась Ника через несколько мгновений.

– Ага, – Марк сидел рядом на корточках, и в его глазах не было насмешки.

За это Ника будет вечно ему благодарна.

– Спасибо, – она вздохнула. – Можете тоже идти, мне надо встать.

– Я тебе помогу.

– Лучше не надо. Я сама, правда. Не добивайте.

– Кончай выкать! С каждым может случиться.

– Да это не то, что ты думаешь, – окончательно смутилась она. – Мои штаны...

– Я все видел. Разве что дочитать не успел. Видел только «пят». Там было про пятую точку? – теперь уже он не мог

не улыбнуться.

Ника в ужасе провела по лицу ладонью.

– Там про пятницу... – нечленораздельно пробормотала она.

– Что-что?

– Там написано «пятница-развратница»!

Веселовский расхохотался.

– Вставай, маленькая развратница. Мы что-нибудь придумаем.

Ника поднялась. Возможно, слишком резко. Возможно, джинсы слишком долго передавливали ее пополам, как сосиску. Но в боку закололо до темноты в глазах.

– Пойдем скорее, а то ты не успеешь все попробовать, – Ника собралась с силами, отряхнулась и прикрыла руками дырку на штанах.

– На, возьми, – Марк протянул ей свою кофту, и она повязала этот тончайший мягкий кашемир поверх пропитанных лесной землей джинсов.

Все-таки он – настоящий принц. Один ее кавалер как-то отказался присесть на парковую скамью, чтобы не испачкать новые белые брюки. А она страдала, разношивая чудовищные босоножки.

– Зайди ко мне в номер, – предложил Марк.

Понятно, что это был всего лишь жест любезности, но с его баритоном каждое слово приобретало дразнящую двусмысленность.

Проходя мимо веранды, Ника заметила, что Таня уже выкладывает пирожные на стол. Ничего, главное – побыстрее привести себя в порядок, и тогда Марк, наконец, вкусит то, ради чего все затевалось, – ее десерты. Черт, надо было все-таки доползти до УЗИ. Завтра – первым делом в больницу. Только бы сейчас проклятый бок хоть ненадолго стих...

– Что-то ты опять бледная, – Марк внимательно изучал ее лицо, пока они поднимались в лифте в его номер. – Это я на тебя так действую?

– Тебе ли не знать, как ты действуешь на женщин! – отшутилась Ника, выходя.

Но Марк не рассмеялся и повел ее к номеру. Отпер дверь, пропустил Нику внутрь.

– Вероника, – мягко позвал он.

– Можно просто Ника, – она обернулась.

Несколько мгновений Марк смотрел на нее своими теплыми коньячного оттенка глазами. Потом взял за руку, тихонько подтянул к себе. Ника прижалась, забыв о боли в животе, о страхах и даже о дегустации. Он гипнотизировал ее, как гаммельнский крысолов, не оставляя пути к отступлению.

Марк дотронулся до ее лица, наклонился к ней. От него пахло одеколоном, лесом и чем-то неуловимо мужским, и ее ноздри расширились, втягивая воздух.

– Ты не против, если я тебя поцелую? – низким хрипловатым голосом спросил он.

Формально это был вопрос, но прозвучало, как утвержде-

ние.

– Да, – беззвучно выдохнула она.

И он прижался к ней губами.

Глава 5

Сколько раз Ника представляла себе этот поцелуй? Не факт, что математики изобрели такое число. Иногда даже зажималась, прижимала к губам собственную ладонь, словно это был Веселовский... А иногда так внимательно следила за его артикуляцией, воображая поцелуи, что забывала слушать, что он говорит...

И вот все случилось. Его пальцы легли на ее затылок, дыхание смешалось, и крошечные сантиметры, разделяющие их тела, эта тонкая воздушная прослойка действовала острее прикосновений, заставляла изнывать от невыносимого, почти болезненного нетерпения.

Он поцеловал ее. Мягко, терпко, дразняще. Мастерски. Чуть куснул нижнюю губу, втянул в рот, легонько обвел кончиком языка ее зубы... Щекотал, сводил с ума. И ей захотелось воскликнуть «Маэстро!», если бы она могла сейчас говорить. Только не думать о том, откуда весь этот опыт.

Марк двигался плавно. Крадущийся хищник, незримо приближающий агонию жертвы. И будто прочитав ее мысли, сделал бросок: прижался, вдавил ее в себя, каждым движением языка намекая на продолжение. И Ника ответила, вложила все скудные познания, лучшее, что она могла вынести из отношений с чересчур быстрым Костей и изобилующим слюной Виталиком. И реакция Марка показала, что все было

не зря. Красный диплом, никаких сомнений.

Он запустил руку под ее футболку, прошелся ладонью по животу, опустил вниз, между кожей и тугим поясом. И вместо удовольствия живот взорвался феерической болью. Ника глухо вскрикнула в его губы и с ужасом поняла, что желудок судорожно толкает содержимое вверх. Внутренности сжались, она отшатнулась, бросилась, спотыкаясь, в ванную, едва успела закрыть задвижку, уже ощущая мерзкий кислотный привкус, и рухнула на колени над унитазом. Ее рвало. Громко, унизительно, нещадно. Конечно, отравления случались и раньше, но теперь будто каждый раз кто-то с размаху бил ее ногами в живот. Горло саднило, на глазах выступили слезы, но она никак не могла остановить порывы. Дышала глубоко, старалась найти положение, в котором боль хоть немного бы отступила.

Только бы не упасть в обморок. Не сейчас... А если он зайдет? Выбьет дверь? Мамочки, как же больно... Ника растегнула джинсы. Лихорадочно спустила воду, поппикала «Морской свежестью», проверила нижнее белье. Мало ли что могло произойти, пока ее выворачивало, нельзя, чтобы Веселовский это видел.

Встать Ника не могла. Попыталась, но кишки толкнули обратно на пол. Проклятый Исаев, не мог сразу отвести в больницу! И терапевт – дура. Тоже мне, ничего страшного! Щадящая диета! Ника со свистом втянула воздух сквозь зубы. Прижала руку к больному месту – так оказалось легче.

Словно внутренности хотели выпасть наружу, и только рука удерживала их на месте.

– Ты в порядке? Я зайду! – крики Марка доносились издалека.

Боже, Марк... Если до этого у нее были надежды на фату, уютный загородный дом и двоих ребятишек с лабрадором, то теперь они рухнули безвозвратно. Буквально смылись. Он поцеловал ее... Он собирался попробовать ее пирожные... Он собирался все попробовать... А она? Проблевалась. Вот что она сделала. Теперь ее поцелуи будут ассоциироваться у него с этими горлораздирающими звуками и зеленоватой потной рожей. Интересно, хоть одна из его пантер позволяла себе такое? Наверняка ни разу. Дуры дурами, а медосмотры, видимо, проходят регулярно. У тех же пластических хирургов как минимум. Как же больно, мамочки...

– Марк... – жалобно простонала она. – Кажется, надо вызвать «Скорую».

– Сейчас! Черт, телефон разряжен... – за дверью что-то грохнуло.

Ника аккуратно, чтобы лишним движением не вызвать новую волну боли, вытащила из заднего кармана смартфон. Удивительно, как он выжил после ее падения. А дальше что? Ноль три теперь, говорят, не работает. Что там было? Сто тринадцать? Сто двенадцать? Сто три? Ноль ноль три? Ника отчаянно стиснула зубы, чувствуя, как по щеке стекает крупная капля. Сатанисты эти инноваторы, самые настоящие са-

танисты! Что здесь надо потереть, чтобы вызвать врача?

– Едут! – крикнул Марк и постучал. – Ты в сознании? Можешь говорить? Стоять? Ты теряешь ребенка?

Да они издеваются! Ника всхлипнула. Худеешь из последних сил, живешь, как печальная гусеница, на одной зелени, а он опять про беременность! Что с ней не так? Она похожа на человека, который не знает о презервативах? Или у нее что-то где-то распухло?

– Ника! – волновался Веселовский.

– Сейчас, – прокряхтела она, с трудом перенося вес на колени и подползая к двери.

Как только задвижка поддалась, Ника снова опустилась в позу молящегося. Холодный кафель приятно остужал лоб. Марк ворвался и тронул ее плечо.

– Я... не... беременна... – выжала она. – И это не из-за тебя...

– Еще бы! Мы даже не успели... А, не беременна, – выдохнул он.

– Я имею в виду... Наш поцелуй... – Нике было все сложнее и сложнее облекать мысли в слова.

И думать было почти невозможно, в голове вертелось только «Пусть это прекратится!»

– Попробуем добраться до кровати? – предложил Веселовский. – Может, если ты ляжешь, тебе будет легче?

– Вряд ли... Не могу разогнуться.

– Болит в боку? Аппендицит, наверное.

Вот! Пожалуйста! Умный мужчина. А Исаев мял, мял, а в результате ничего не нашел и отправил на УЗИ. Народ во дворе говорил, что Пашку в десятом классе чуть на второй год не оставили. Мама ходила, плакалась директору. Наверное, в меде он так же учился. Хорошо, что теперь есть ультразвук, все за тебя найдут, крестик на брюхе нарисуют, твое дело нехитрое – знай, режь. А в ножички он всегда лучше всех играл...

– Милая, – Марк провел по ее волосам, заправил за ухо выбившуюся прядь. – Все будет хорошо, я рядом.

Баритон обволакивал, баюкал, действовал, как транквилизатор. Ей стало уютно, захотелось положить голову ему на колени и вот так уснуть. «Милая...» Ну скажи это еще раз, скажи!

– Иди ко мне, – Марк перекинул ее обмякшую руку себе за шею, обхватил и поднял.

Ее! Поднял! Не крикнул, не закричал, не покраснел, и вены на шее не вздулись. Просто поднял, как будто уже делал это не раз. Отнес на кровать. В сознании Ники за маревом боли мелькали картинки: белое платье, первая брачная ночь, его идеальных пропорций голова на соседней подушке... Только на соседней, не рядом, она бы умерла, если бы кто-то лег сверху.

Марк бережно положил ее на стеганое покрывало, она перекатилась на бок, уткнулась носом в один из сотни одинаковых ромбиков и, чтобы не думать о животе, врачах и «Ско-

рой», принялась сосредоточенно считать малюсенькие ровные стежки.

– Пойду вниз, встречу врача, – Веселовский пошел к двери.

Ей так хотелось крикнуть: «Останься, не бросай меня!», но Ника понимала, что так будет лучше.

Все происходило одновременно и с ней, и словно с кем-то другим. Мужик в синей спецовке, тетка в такой же. С противной родинкой на лбу, такой здоровенной, как горошина под кожей. Ника понимала, что тарашиться невежливо, но от боли соображала совсем туго и никак не могла отвести взгляд. Как назло, именно тетка села ее осматривать. Розовая помада скрутилась длинными пленочками по всей нижней губе, и когда тетка говорила, Ника видела эту границу между накрашенной частью и слизистым нутром.

Врачи что-то спрашивали, пахло от них необъяснимо холодно. Ника что-то отвечала машинально, сама себя не слыша. Перебей ее кто-нибудь на полуслове, она забыла бы сразу все. Только поднимала глаза – коричневая горошина, опускала – пленочка на губе. И больше ничего вокруг.

– Руку.

– Что? – ословело переспросила Ника.

– Понятно, – тетка цокнула языком, подняла Никину руку и пихнула ей под мышку гладкую ледяную стекляшку.

Холодно, как холодно, укройте меня! Mamочка, хочу под одеяло!

– Откройте рот. Да не так, язык покажите. Тошнит? Стул жидкий? Когда в последний раз опорожняли кишечник?

– А?

– По-большому, говорю, когда ходили? – тетка приблизилась к Нике свое лицо, и родинка-горошина стала совсем огромной.

– Не скажу.

Они в своем уме? Пусть Марк думает, что она никогда не ходит в туалет. Марк... Господи, дегустация! Ника резко поднялась на локтях.

– Марк, пожалуйста. Они же все съедят! Ты должен попробовать! Я специально достала бельгийский горький... Мой «Захер»...

– За что? – переспросил мужик в синей спецовке.

– Она бредит, – раздраженно констатировала тетка. – Лихорадка.

И вдруг начала потирать руки. Зачем? Что ее так радует? Кто здесь после этого бредит? Ника постаралась незаметно отползти от тетки по кровати, но та рывком задрала футболку.

– Вот здесь больно? А тут? – пальцы у нее были костлявые и острые, больно было от каждого тычка.

Но перед Веселовским Ника старалась держаться, жалобно морщилась, еле слышно попискивала, но не кричала. Впервые в жизни она захотела, чтобы Пашка Исаев оказался рядом. Ай-яй-яй! Да у мамы на даче тятка нежнее!

– А вот здесь? – снова поинтересовалась тетка и контрольным выстрелом воткнула пальцы Нике в нижнюю часть живота.

На этом самообладание покинуло девушку. Она взвыла, согнулась пополам и оттолкнула ненавистное пыточное орудие. А орудие невозмутимо вытащило градусник и изрекло:

– Тридцать восемь и семь. Подозрение на аппендицит, не исключено начало перитонита. Валера, запроси место в Пушкино. И давай носилки.

– Что? Куда? – Ника испуганно переводила взгляд с одного врача на другого. – А можно в Москву? В тринадцатой у меня друг...

– Де-вуш-ка, – снисходительно разжевала тетка. – Какая Москва? Какая тринадцатая? Срочно на операцию! Телефончик с собой? Паспорт?

– Паспорт в сумочке, она в микроавтобусе... И полис там. А что, очень срочно?

Тетка стиснула зубы, точь-в-точь как Пашка Исаев. Видимо, у врачей на Нику аллергия. Ишь, нежные какие... Прямо спросить ничего нельзя.

– Я спущусь, попрошу кого-то из девочек принести документы, – вызвался Веселовский.

– Марк! Марк! Ты только мои пирожные... И там капкейки есть, специально для тебя, свежая малина... – Ника чуть не плакала, и не столько от боли, сколько от досады.

Куча усилий – прахом! Нет бы еще хоть часик потерпеть!

Полчасика! Все бы отдала, чтобы увидеть его лицо, когда он попробует те итальянские печенья... Две партии загубила, прежде чем получила абсолютный идеал... И пирожное с манговой пропиткой... Господи, даже думать теперь противно. Мутит, и вкус во рту, как будто лизнула кошачий лоток...

– Конечно-конечно, я все попробую, – торопливо отозвался Веселовский и вылетел из номера.

Ничего он не попробует. Ни-че-го. Наверное, после ее излияний не захочет и смотреть на выпечку...

Тем временем Валера разложил на кровати брезентовые носилки. Холодная клеенка, которую в детском саду подкладывали под простыню, чтобы дети не замочили матрас. Мамочка, я хочу под одеяло... Никого знакомого, никого родного... Почему она не послушала Пашку? Почему, дура сторосовая, не поехала к его узистке? Только эта тетка с горошиной и мужик с такими круглыми покатыми плечами, что, кажется, шеи нет вовсе... Ника переползла на носилки, поежилась, скрестила руки, чтобы согреться. Ее начинало колотить, белые, обескровленные пальцы покрывались еле заметным мраморным рисунком.

– Простите, а нельзя какое-нибудь обезболивающее? – Ника не хотела клянчить, но голос вышел писклявым, глаза жгло от слез.

– Симптоматику смажем, – почти ласково сказал мужик. – В больнице посмотрят и решат, что с вами делать. Да вы не волнуйтесь, тут минут пятнадцать ехать, там быстренько на

стол – и все пройдет.

Врачи взялись за носилки, подняли. Жилистые руки женщины оказались на удивление сильными. Нике было неудобно, что ее тащат, как мешок с картошкой, и до ворот еще далеко. Она хоть и худела, но перышком не была.

– Может, я сама? – робко подала она голос.

Но никто не удостоил эту реплику ответом.

Валера был в головах, Ника видела его подбородок с тонкой белесой ниточкой шрама и пушистые волосы, лезущие из-под ворота, как сирень из-за забора. Теплый он, наверное.

Двери лифта разъехались, и медики сумели по диагонали втиснуться со своей ношей. Вот нашлись и плюсы, что все случилось здесь: в московский лифт они бы втроем и стоймя не вошли. Пришлось бы трястись по лестнице.

– Надо позвонить, чтобы готовили операционную, – вздохнула тетка.

– Разберутся, – бычья шея Валеры начала краснеть от напряжения, словно ему было тяжелее, чем коллеге.

Они вышли в холл, где уже толпились любопытные.

– Вот, держи, – Оксана суетливо пихнула Нике сумочку. – Ты в порядке?

– Будет через пару часов, – отрезала докторша. – Отойдите, не загораживайте проход.

– Может, я помогу нести? – вмешался курьер Вася.

– Донесем, – Валера багровел все сильнее, но сохранял достоинство.

Ника искала глазами Веселовского. Наверное, уже сидит в машине, собирается ехать следом. Такой надежный и, несмотря на свой статус, совершенно земной, родной, добрый... Где же? Пусть режут, потрошат ее, только бы знать, что он рядом! С ним не страшно...

– Оксана, – хрипло позвала Ника. – А ты не знаешь?..

И осеклась. Нельзя, чтобы они знали. Чтобы все поняли. И так будут мусолить: как это Карташова пробралась в номер шефа? На что это она, интересно, рассчитывала? И неважно, будут ли потом отношения. Если он одобрит инвестицию, все решат, что это услуга за услугу. А Ника была не из услужливых.

– Что? – коллега подняла брови, жалостливо поджала нижнюю губу.

Как будто в последний путь провожает!

– Ты не знаешь, мои пирожные народу понравились?

– Дурочка, – Оксана мотнула головой, и ее длинные сережки, блеснув, закачались. – Конечно, все вкусно! Замечательно! Все уплетают – за уши не оттащишь. Не о том ты думаешь, выздоравливай, все тебе расскажем.

Ника слабо улыбнулась и отвернулась, скрывая слезы. Горячая капля сползла по виску. Все зря. Она пекла зря. Небось народу уже захорошело, и ее шедевры улетают, как банальная закуска. Шашлык, лаваш, сулугуни, классический венский торт... Ника всхлипнула.

– Так больно? – почти сочувственно спросил Валера.

– Угу, – и снова всхлип.

Медики спустили ее по широким парадным ступеням, и Ника прищурилась от яркого дневного света. Небо заволочло облаками, но смотреть было больно. Вот, значит, каким было небо над Аустерлицем... Зато теперь она слышала птиц. Полдня в лесу, и только теперь слышала. И пахло так хорошо, свежо... Положили бы ее тут, укрыли, она поспала бы чутка, и все прошло.

– Ну, Вероника, держись! – раздался самый чудный на свете баритон.

Ника вытянула шею, приподняла голову: Веселовский. Вот же он! А почему в стаканчике коньяк? И где ключи от машины?

– А разве... – она сглотнула, почувствовав гадостный привкус.

Возьми себя в руки, немедленно! Не смей развозить нюни!

– И обязательно отдохни недельку, нам на работе ты нужна совершенно здоровой! – он утешающе кивнул.

– Выздоровливайте, Вероника! – бодрая девица-тренер выглянула из-за его плеча.

Ника вскипела от негодования. Ах, ты... Какого лешего ты жрешь мой капкейк?! Выплюнь! Коза... Я до тебя доберусь... Ника стиснула кулаки.

– Успокойтесь, девушка, успокойтесь, – насмешливо произнес Валера, когда они отошли к машине. – Никто вашего

жениха не уведет. Подлатаем в лучшем виде.

– А мне все равно, – она напряглась от новой волны боли.

Водитель вылез, открыл дверцы, ее загрузили. Везите, куда хотите. На все плевать. В детстве она до жути боялась «Скорых». Стоило ей закашлять, мама тут же лезла с горчичниками и корнем солодки. Таким мерзким, словно его даже от земли не чистили, когда собирали. А попробуй сказать, что ты лучше как-нибудь вареньем обойдешься!

– Всё, – выдохнула мама и делала трагическую паузу. – Я вызываю неотложку.

И это звучало как самое последнее, страшное оружие. И Ника всегда старалась обойтись чем угодно, соглашалась на любые зверства народной медицины, только бы не зловещая машина с мигалками. До сих пор бело-красная тушка во дворе вызывала невнятное чувство тревоги и желание бежать, как будто ее могли захватить заодно. Страшнее только ритуальные услуги.

Мама. Звонить ей? Подскочит давление, прихватит сердце. И будут они валяться в соседних отделениях. Алинка? Бестолковая. Положиться на нее нельзя, да и маме тут же донесет в красках. Отчиму? Не то. Ника не могла сосредоточиться и уж тем более разговаривать. Может, лучше потом позвонить?..

Водитель несся со всеми спецэффектами. Сирена истошно завывала, мерцали проблесковые маячки. Машина вихляла из ряда в ряд, резко тормозила на светофорах. У Ники

в ее положении не было возможности смотреть вперед, чтобы заранее готовиться к маневрам, поэтому ее зверски трясло. От каждого толчка живот вспыхивал и разгорался болью, она старалась не ныть, только впивалась в ручку и грызла нижнюю губу. Кожа лопалась, но это хотя бы отвлекало от живота.

Они свернули, да так, что будь это зимой, их непременно занесло бы в канаву. «Скорая» подпрыгнула на «лежачем полицейском». Черт, какая-то табуретка на колесах! Из глаз брызнули слезы.

– В какую больницу мы едем? – спросила Ника у докторши.

– В районную Пушкинскую, – тетка взглянула на нее удивленно, будто не ожидала, что девушка еще в состоянии говорить.

– А адрес какой? – машину снова тряхнуло, и Ника с трудом сдержала стон.

– Вам зачем? В навигатор забить, что ли? – пробасил водитель и довольно хохотнул. – Подъезжаем. Готовьтесь.

В лучших традициях городского транспорта «Скорая» тормознула, едва не выпустив больную через лобовое. Ника приготовилась к суете. Докторов она побаивалась, но не телевизионных. Студенческие годы провела с любовью к американскому сериалу. Ковбойская небритость, белейшая улыбка, атлетичные торсы под халатами... И страсти, страсти, страсти.

Произойди с ней все где-нибудь там, по ту сторону экрана, ее бы сейчас везли на каталке, бежали рядом: «Девушка, белая, двадцать семь лет, состояние критическое...» И оглушительный писк мониторов. Ан нет, все вышло прозаично.

– Валера, шевели копытами, – процедила тетка. – Да нет, вот здесь возьми. И где их носит?

– Место дали, обещали взять, – Валера дернул каталку, колесики с легким скрежетом разложились.

– Опять самим... Вконец обнаглели.

И ее снова повезли. Высокие тщедушные сосны с берегами, унылая желтая постройка. Ника тянула шею, пытаясь прочитать табличку, но замутненный взгляд выделил только «проф». Профессура? Профессионализм? Профориентация? А в Пушкино одна больница? Ее вообще кто-нибудь здесь найдет?

Втянули по крутой горке к приемному, здание угрожающе наклонилось над ней, и Нике стало по-настоящему жутко. Господи, где она?!

– Принимайте, – с облегчением выдохнула докторша кому-то.

Валера загораживал обзор.

– Что у нас?

– Острый живот, звонили же.

– Давайте ее пока в коридор, – хриплый, прокуренный голос непонятного пола. – Оформлю.

– Что? – подскочила Ника. – В какой коридор?

– Да вы только не нервничайте, – бросил голос. – Сейчас я к вам подойду.

Колеса гулко загремели по плитке, запахло столовой и хлоркой, зеленоватые стены узкого коридора засасывали ее внутрь бетонным удавом. Гудели голоса, стонал какой-то мужик, старушка в халате плескала тряпкой в ведре. Валера с теткой переложили Нику на коричневую больничную каталку.

– Подождите, а как же?.. – Ника хватала ртом воздух, собираясь с мыслями.

Она ничего не понимала и в то же время не могла точно сформулировать вопрос. Надо было сказать что-то, задержать их, успокоиться. Какие-никакие знакомые лица...

– Удачи вам, девушка, – добрый Валера хлопнул ее по коленке, и они с коллегой исчезли.

Ника осталась одна. Приподняться и присесть не получалось, каждое движение отдавало дикой болью. Где-то в глубине здания эхом разносилось лязганье то ли посуды, то ли хирургического инструмента. На потолке тихо дребезжала длинная тусклая лампа с несколькими дохлыми мошками внутри. Смертельно захотелось всплакнуть. Хорошенько, отчаянно, как в детстве, когда кто-то обидел. Такой плач для мамы, чтобы скорее прибежала, обхватила мягкими руками, погладила по затылку. И снова по вискам побежали горячие капли.

Ника шмыгнула, стиснув телефон. Позвонить бы маме, но

нельзя. Не в таком состоянии... Отвернулась к стене: здоровенный плакат о пожарной безопасности. Хоть что-то. Она принялась читать. Выражение «запасный выход» показалось ей вдруг страшно забавным. Все же говорят «запасной», тогда зачем так писать?..

– Ну, как вы тут у меня? – прозвучал над ухом все тот же голос из приемной, и Ника, повернув голову, увидела одутловатое лицо с жидкими усиками.

Половая принадлежность все еще не угадывалась.

– Живот болит, – ответила Ника первое, что пришло на ум.

– Ну, что поделать. Поэтому вас и привезли, – изрекло лицо и, видимо, для утешения неестественно ослабилость. – Поехали, сейчас уже и доктор придет.

– А мне в «Скорой» сказали, что надо срочно оперировать...

– Мало ли что они там сказали, – человек в белой форме обошел вокруг Ники, и она не без некоторых сомнений склонилась к женскому варианту. – У них там свое, у нас здесь свое...

И после этого неоспоримого и глубокого философского замечания медсестра толкнула каталку.

– Вы у нас тут не одна такая хорошая, – рассказывала она по дороге. – Привезли сейчас парня молодого. ДТП. Жалко, конечно. Весь в фарш, ногу придется собирать по кусочкам. Только вот закончили кровь оттирать, все нам тут забрызгал.

Кто-то бы сказал, что не жилец, а у наших врачей руки золотые. Все с ним сейчас. А вы говорите, срочно оперировать. Подождете немного, – и распахнула белую дверь смотровой.

Нике стало стыдно. Отвлекать своим аппендицитом от спасения жизни... А если окажется, что не аппендицит совсем? А она их всех оторвала?

– Где у нас острый живот? – шаркнув белыми тапочками, к ним вошел врач.

У мамы на даче такая же обувь...

– Вот, Виталий Семеныч, – сестра услужливо подскочила.

– Ну, здравствуйте, как вас величать? – доктор нагнулся и заглянул Нике в глаза, словно тестируя ее на слабоумие.

– Ве... Вероника.

– Очень приятно, – он поправил хирургическую шапочку. – Давайте, показывайте, что тут у вас, – откинул простыню и быстрыми движениями фокусника помял живот. – Ну-ну, все, уже не больно. Так... Ну да. Давайте ее на УЗИ, Нина. И готовьте. Литовцев подойдет сейчас. И прокапайте как обычно. Давайте две...

– Что у меня? – испуганно перебила Ника. – Аппендицит?

– Да вы и сами лучше меня знаете. Давайте, Ниночка, через часик возьмем, – кивнул сестре и вышел.

Подскочила еще какая-то женщина, взяла кровь на анализ, и Нику покатали на УЗИ. В маленькой комнатке было темно, только тусклый голубоватый свет монитора. Усатый мужчина молча плюхнул ей на живот холодный гель, все

внутренности сжались в комок, по телу прокатилась дрожь. Потом последовал датчик, и Нику едва не выгнуло в мостик от боли.

– Не шевелитесь, мне же надо посмотреть, – проворчал мужчина, надавливая еще сильнее.

Она постаралась не шевелиться изо всех сил, от напряжения поджав пальцы ног. Еще секунда, и она будет кричать, никакой мочи нет терпеть... Еще секунда... Но он убрал датчик и протянул пару бумажных салфеток. Как будто их хватит на всю эту скользкую жижу!

– И что... там? – прерывисто спросила она, пока ее катили в коридор.

– Аппендицит, похоже на перфоративный. Я все напишу для врача.

И снова коридор.

– Давайте, будем вас раздевать, – медсестра остановила каталку у какой-то двери. – Потихонечку, потихонечку. Так, попочку поднимаем... Эк тебя угораздило!

Ника совсем забыла про дырку на штанах. Она хотела объяснить, но поняла, что унижительнее все равно не будет. Голую, как свежий труп, ее вкатили в ледяную, отделанную глянцевым кафелем комнату. Сестра обтерла ее чем-то мокрым, накрыла простыней, отчего сходство с моргом только усилилось.

Обстановку разбавил анестезиолог Литовцев. Забавный дядечка в круглых очках и яркой тубетейке появился ми-

нут через десять. Сверился с историей болезни, прослушал пульс.

– Аллергия на лекарства есть? Чудесно. Вес? Год рождения? Кушали когда в последний раз? Рвота была? Отличненько. Вот здесь подпишите, – и он протянул какие-то бланки.

– Ставим зонд? – будто бы даже с надеждой спросила сестра, пока Ника пыталась лежа вывести свою красивую подпись.

– Поднимайте так. Верочка же у нас будет умничкой?

– Вероника, – попыталась поправить девушка, но шаги врача уже стихали в коридоре.

– Телефончик давайте, – медсестра протянула руку. – Я вам потом в палату принесу. Не бойтесь, у нас ничего не пропадет. В случае чего, кому звонить?

– В случае... чего? – с трудом повторила Ника.

– Ну, мало ли... Да не волнуйтесь, обычные меры предосторожности.

– Там номер мамы есть. Или Лене...

– А вы что, не предупредили никого? – удивилась сестра. – Ладно, звоните давайте.

Попадая мимо цифр, Ника с третьего раза сумела набрать подругу. Гудки, гудки, автоответчик. Ленка, черт тебя дери! Ответь! Еще раз. И еще... Зараза...

– Ну все, я тут тоже ждать не могу, – мужеподобная женщина забрала смартфон и выкатила пациентку за дверь.

Капельница... Другая... Обрывки чужого разговора про школьную ярмарку... Какая-то ругань, ляг...

– Ну что, Верочка, готовы? – появилось из воздуха лицо анестезиолога, и стены куда-то понеслись.

Глава 6

@drPashaIsaev

01 мая 05:49

#трудовыебудни

Зацените видео с пандой. Ржасака.

Паше удалось прилечь, только когда начало светать. Задернул широкие жалюзи, растянулся на последней свободной тахте. По идее стоило бы расцеловать начальству августейшие ручки за новую мебель в ординаторской. Стильную и зачем-то оранжевую. Черт их знает, эти тенденции дизайна. Все вписалось тютелька в тютельку за исключением самого Паши. По длине эти скамьи-диванчики были рассчитаны на людей раза в полтора короче Исаева. Приходилось просовывать ноги под подлокотниками, и пятки сиротливо болтались в воздухе. Ни на бок лечь, ни раскинуться... Спи, как Ленин. А поясница взывала о пощаде после десятка операций. И отчего он не пошел в анестезиологи, как однокурсник Илья? Сидел бы у изголовья пациента, рубился в телефон и поглядывал на мониторы. Маску пришпандорил, газ пустил – и готово дело. Знай себе развлекай время от времени беседой о тщетности всего сущего. Ну, интубировать иногда... Фигня же. Зато спина целая. А ему, Пашке, с таким-то ростом гнуться над столом. Чертова гордыня! Чертовы байки

про коньячные закрома хирургов!

Нет, бухло несут. В доме кастрюлю приткнуть негде. Только с чего-то вдруг пошло поветрие дарить вискарь. Элегантно. А несут не пойми какой, сто раз уже передаренный. Что им, поливаться, что ли?

Паша скрестил руки на груди, плед опять кто-то спер. Повертел немного головой, делая вмятину в подушке поудобнее. Вертеть-то все равно больше нечем. И закемарил. Снизлась какая-то каменоломня. Хоть бы во сне девки... Нет, валуны, пыль, щебенка...

– Пал Дмитрич! Пал Дмитрич! – через грохот дробильни пробивался нежный голосок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.